

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ПУЩИНА *).

I.

Изъ воспоминаній дѣтства болѣе всего вѣзались въ мою память серьезность отца, помѣшательство матери, начальство старшихъ сестеръ, отсутствіе всякаго присмотра со стороны гувернеровъ: Trinité, Вранкена, Тгоррэ и другихъ, баловство старшей любимой нами няни Авдотьи Степановны и при ней дружба съ горничными. Не смотря однакоже на такую обстановку, научное наше воспитаніе шло довольно успѣшно, такъ что въ 1812 году, поступивъ въ Первый Кадетскій корпусъ, при тогдашнемъ слабомъ образованіи юношества, я успѣшно проходилъ науку и на четырнадцатомъ году возраста былъ уже въ высшемъ классѣ, въ которомъ за малолѣтствомъ оставался два года, а на шестнадцатомъ году произведенъ въ офицеры.

Поступленіе мое въ Первый Кадетскій корпусъ было совершенно случайное. Братъ нашъ старшій, Петръ, былъ уже въ Пажескомъ корпусѣ, второй, Иванъ, поступилъ въ 1811 году въ Лицей, когда въ 1812 году дѣдъ нашъ, адмиралъ, просилъ государя Александра Павловича о принятіи и насъ, другихъ внуковъ своихъ, въ Пажескій корпусъ. Государь на просьбу старика изъявилъ желаніе, чтобы внуки его приготовлены были ко всякаго рода государственной службѣ и предложилъ ему помѣстить насъ въ кадетскіе корпуса. Тогда я, старшій изъ трехъ, поступилъ въ Первый, братъ Егоръ во Второй, а братъ

*) М. И. Пущинъ, старшій братъ извѣстнаго Ивана Ивановича (лицейста и декабриста), сынъ генераль-интенданта Ивана Петровича и Александры Михайловны (Рябининой) и внукъ Екатерининскаго (тоже интенданта) адмирала и Андреевскаго кавалера Петра Ивановича, родился въ 1800 г. † 25 Мая 1869 г. Записки его принадлежатъ его племянницѣ и наслѣдницѣ Марьѣ Николаевнѣ Пущиной, и, конечно, читатели „Русскаго Архива“ признательны ей за дозволеніе ихъ напечатать. П. Б.

Николай въ Морской Кадетскій корпусъ. Послѣ поступленія нашего въ корпусъ, вышедшій въ 1812 году изъ Пажескаго корпуса братъ Петръ, послѣ полученной раны на Березинской переправѣ, скончался въ Минскомъ военномъ госпиталѣ, а въ 1813 году родился братъ Петръ, названный по имени скончавшагося (въ 1812 году) дѣда Петра Ивановича Пуцина.

Поступленіе мое въ корпусъ, въ годъ Отечественной войны, особенно для меня памятно тѣмъ, что мнѣ въ первый разъ случилось ѣхать одному съ отцомъ въ каретѣ и слышать его наставленія, когда онъ меня отвозилъ въ корпусъ. Наставленія эти принесли мнѣ большую пользу и состояли въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: „уважай и слушай начальниковъ и старшихъ, не входи ни въ какіе споры и драки съ товарищами, не передавай начальству на товарищѣй, старайся выучивать твердо заданные тебѣ уроки и будь со всѣми привѣтливъ и внимателенъ, тогда тебя будутъ любить, и тебѣ легко будетъ жить“. Не разъ вспоминалъ я первые совѣты отцовскіе, совѣты, которымъ старался слѣдовать и не могъ этого не дѣлать по впечатлѣнію, которое они на меня произвели, и совѣты эти провели меня честно по жизненному пути. Произвели они на меня особенно сильное впечатлѣніе потому именно, что это были первые слова отца, адресованныя ко мнѣ не какъ ребенку, а какъ отроку, начинающему самостоятельную жизнь.

Въ корпусъ мы пріѣхали прямо къ директору, Нѣмецкому философу и литератору Клингеру. Суровость директора поразила меня сходствомъ съ отцовскою. По просьбѣ отца я поступилъ не въ резервную роту, куда обыкновенно поступаютъ вновь опредѣляющіеся, а въ первую мушкатерскую, полковника Никиты Васильевича Арсеньева, жена котораго, Евдокія Емельяновна, рожденная Чоглокова, встрѣчаясь въ обществѣ съ сестрами моими, была нѣсколько знакома съ ними. Насъ отъ Клингера по галереѣ провели къ Арсеньеву. Его жена меня тутъ же приласкала, напоила кофеемъ, познакомила меня съ сыномъ, Емельяномъ Никитичемъ, и маленькою дочерью Ефимьею (впослѣдствіи бывшей замужемъ за Вревскимъ). Самъ Арсеньевъ показался мнѣ вторымъ Клингеромъ. У него отецъ со мною простился и въ первый разъ, давъ мнѣ какъ всегда поцѣловать свою руку, самъ поцѣловалъ меня и сказалъ: „смотри, веди себя хорошо и помни все мною тебѣ сказанное“. Когда онъ уѣхалъ, я расплакался, и все семейство Арсеньевыхъ принялось меня утѣшать. Когда я осушилъ свои слезы, Арсеньевъ повелъ меня къ инспектору классовъ, Михаилу Степановичу Перскому*), кото-

*) Этотъ Перскій былъ родственникъ (графу) Н. С. Мордвинову. Кажется, что на дочери или родственницѣ Перскаго женатъ былъ многовластный Л. В. Дубельтъ. П. В.

рый послѣ небольшого словеснаго экзамена назначилъ меня въ шестой средній классъ, послѣдній изъ среднихъ (за нимъ было три низшихъ, а впереди шесть верхнихъ классовъ). Отъ Перскаго Арсеньевъ привелъ меня въ свою первую роту и, оставивъ здѣсь, приказалъ мнѣ къ нему придти вечеромъ по окончаніи классовъ, въ 6 часовъ.

Можно себѣ представить мое неловкое положеніе среди множества невиданной мною молодежи, почти все моихъ лѣтъ; всѣхъ разспросовъ не припомню, а было ихъ очень много и самыхъ дикихъ. За обѣдомъ старшій унтеръ-офицеръ посадилъ меня возлѣ себя, и я, проголодавшись, нашелъ очень вкуснымъ обѣдъ, состоявшій изъ гороха, разварной говядины и каши. Кадетамъ это очень понравилось: они изъ этого заключили, что я не матушкинъ сыночекъ, и послѣ обѣда многіе ко мнѣ подходили, чего не сдѣлали до обѣда, не зная, на какой ногѣ со мною плясать.

Въ два часа, по барабану, я со всѣми въ строю пошелъ въ классы: кадеты шестого класса меня подхватили съ какою-то особенною радостью. Классъ былъ учителя Нѣмецкаго языка, Камунина. Кадеты читали почти по складамъ; я же, имѣвъ Нѣмцевъ-гувернеровъ, читалъ, переводилъ и говорилъ довольно хорошо по нѣмецки. Учитель заставилъ меня читать и, найдя, что я читаю бѣгло, попробовалъ меня въ переводѣ и тутъ сталъ меня поправлять, какъ мнѣ показалось, неправильно. Я съ нимъ заспорилъ; на споръ этотъ вошелъ въ классъ инспекторъ Перскій (обходившій классы четыре раза въ день, при всякой перемѣнѣ учителей), спросилъ въ чемъ дѣло и тутъ же перевелъ меня изъ шестого въ первый средній классъ. Такимъ образомъ при самомъ поступленіи въ корпусъ я былъ въ классѣ, до котораго другіе добивались въ пять или шесть лѣтъ.

Поступленіе мое въ корпусъ въ 1812 году въ Мартѣ мѣсяцѣ, во время самыхъ горячихъ приготовленій къ встрѣчѣ непріятеля, приближавшагося къ нашимъ границамъ, поставило меня тотчасъ посреди общаго увлеченія кадетъ, просившихся на защиту родины. Тогда же былъ сдѣланъ выпускъ еще не совсѣмъ подготовленныхъ кадетъ, между которыми былъ и Рылѣевъ. Помню его восторженное прощанье съ кадетами въ ротахъ: онъ становился на ставецъ, чтобы всѣхъ видѣть и всѣмъ себя показать, произносилъ восторженные рѣчи, возбуждавшія еще больше наше воинственное настроеніе.

Скоро по поступленіи моемъ въ корпусъ умеръ нашъ полковникъ Ранефть. Весь корпусъ въ батальонномъ строѣ его хоронилъ и провожалъ до Смоленскаго кладбища; я, какъ еще не приученный къ строю, оставался одинъ въ ротѣ и въ отворенную форточку, взгромоздившись на окно, смотрѣлъ на церемонію съ нѣкоторою завистью, какъ вдругъ по-

чувствовалъ сильный ударъ; оглядываюсь и вижу самого директора корпуса Клингера, котораго никогда еще въ ротѣ не видалъ. Онъ сталъ меня бранить на Французскомъ языкѣ и собирался наказывать, но я какъ-то отплакался отъ этой бѣды и всегда потомъ не переставалъ бояться Клингера.

Первая дружба у меня завязалась съ Притвицемъ, въ послѣдствіи директоромъ Корпуса Путей Сообщенія; но дружба эта продолжалась только до первыхъ экзаменовъ, послѣ которыхъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ я перешелъ въ верхніе классы и въ гренадерскую роту, командиромъ которой былъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, полюбившій меня и часто къ себѣ приглашавшій, особенно по вечерамъ, гдѣ иногда я засиживался болѣе чѣмъ позволяло приготовленіе уроковъ.

По прошествіи двухъ лѣтъ я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры въ гренадерскую роту и тогда уже былъ въ высшемъ классѣ по языкамъ и въ третьемъ верхнемъ по математикѣ, въ которой отставалъ потому, что дома не получилъ достаточной подготовки. Нечаянное сближеніе мое съ кадетомъ Ростиславскимъ открыло во мнѣ способность къ математикѣ. Ростиславскій былъ лѣнивый старый кадетъ, нелюбимый, даже преслѣдуемый инспекторомъ Перскимъ; не смотря на это, въ математикѣ стоялъ онъ выше всѣхъ; онъ-то во время каникулъ взялся прояснить мнѣ умъ, и точно, въ шесть недѣль я прошелъ съ нимъ всю высшую математику, интегралы и дифференціалы, такъ что выучилъ наизусть ключъ къ логарифмамъ и могъ безошибочно выводить формулы дифференціальныхъ и интегральныхъ вычисленій. Экзаменъ выдвинулъ меня по математикѣ изъ третьяго въ первый верхній классъ, въ которомъ я оставался до выпуска и въ послѣдній годъ четвертымъ ученикомъ. На послѣднемъ экзаменѣ передъ выпускомъ за всѣ предметы я получилъ высшіе баллы, за одну только съемку получилъ сперва нуль. Полковникъ Шмидтъ, который въ каникулы занималъ насъ съемкою, поставилъ меня на одномъ пунктѣ подлѣ деревни съ коломъ, а я, оставивъ колъ, пошелъ въ деревню купить кислаго молока... Шмидтъ хотѣлъ повести линію на мензулѣ по моему колу; но не тутъ-то было: меня нѣтъ и кола не видно, потому что въ мое отсутствіе худо утвержденный колъ свалился. За это одно полковникъ поставилъ мнѣ нуль за съемку. Конечно Перскій не оставилъ бы мнѣ этого нуля, но не могъ уже поставить полныхъ балловъ какъ за другіе предметы, и оттого я сталъ по экзамену четвертымъ, а не первымъ, какъ я и всѣ предполагали. Послѣ экзамена назначался выпускъ, и первыхъ учениковъ назначали въ артиллерію. Я объявилъ желаніе въ девятую конно-артиллерійскую батарею и уже въ воображеніи крутилъ усы, которые еще не пробивались, звенѣлъ шпорами и саблею и ма-

халь бѣлымъ султаномъ; но не то случилось, что предполагалъ. Черезъ недѣлю Перскій, который уже былъ директоромъ корпуса, объявилъ намъ, что по просьбѣ великаго князя Николая Павловича государь приказалъ первыхъ десять кадетъ назначить въ саперные и піонерные батальоны. Трудно теперь себѣ представить, какой это былъ для насъ невыносимый ударъ и какой мы подняли бунтъ: всѣ пошли къ директору и просили его доложить государю, что мы въ саперы не хотимъ, не хотимъ быть лопатниками. Перскій отечески насъ успокоивалъ, увѣрялъ, что мы послушаніемъ выиграемъ по службѣ и что государеву волю нельзя не исполнить, что это отличіе намъ, которое мы заслужили хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ въ наукахъ, что будущій генераль-инспекторъ великій князь Николай Павловичъ насъ будетъ отличать, что саперы и піонеры теперь не то, что были прежде, что это самая видная служба, потому-то туда и назначаютъ первыхъ учениковъ; однимъ словомъ, столько намъ наговорилъ, что мы, утѣшившись, стали обмундировываться. Не нужно прибавлять, что въ корпусѣ фронтальная часть намъ была хорошо знакома и что по этой части мы, что называется, собаку съѣли. По полученіи приказа о нашемъ производствѣ, я надѣлъ мундиръ перваго сапернаго батальона, и насъ повели во дворецъ, гдѣ въ Георгіевской залѣ насъ смотрѣлъ государь Александръ Павловичъ, и Перскій ему всѣхъ насъ называлъ по фамиліи; послѣ названія меня государь спросилъ, не я ли внукъ адмирала. Я и товарищъ мой Витовтовъ, выпущенные въ саперы, имѣли первые волосяные султаны на киверахъ. Государь, замѣтивъ это, спросилъ: „развѣ это форма?“ и тутъ же приказалъ начальнику штаба Сипягину дать султаны гвардейскому саперному батальону; но впоследствии оказалось, что это была ошибка и намъ не слѣдовало имѣть султановъ, и тогда государь отмѣнилъ свое приказаніе. При представленіи нашемъ былъ Опперманъ, инспекторъ по инженерной части. Перскій рассказалъ ему, какъ кадеты неохотно идутъ въ саперы и піонеры и просилъ, для поощренія ихъ на будущее время, меня и Витовтова прикомандировать къ гвардейскому саперному батальону для перевода въ него на первыя ваканціи. Опперманъ согласился, и мы были тотчасъ же прикомандированы. Командиръ гвардейскаго батальона, Николай Гавриловичъ Сазоновъ, насъ принялъ съ удовольствіемъ, полюбилъ въ особенности меня и дѣлалъ для насъ службу въ его батальонѣ очень пріятною. Обмундированіе мое, кромѣ казеннаго, за которое вычитали изъ жалованья, стоило отцу, при содѣйствіи зятя И. А. Набокова, около 800 рублей ассигнаціями. Содержаніе отъ отца было самое скудное, и я, особенно первое время моей службы, терпѣлъ большіе недостатки, часто не имѣлъ сапоговъ и даже порядочной одежды. Не знаю,

получилъ ли я въ первый годъ отъ отца 200 рубл. асс., и тѣ должно было вымогатьъ часто повторяемыми просьбами и получать несвоевременно.

Лѣто 1817 года саперный батальонъ стоялъ лагеремъ подъ Петергофомъ и на Бабьемъ Гонѣ производилъ практическія работы. При взрывѣ мины меня малымъ камешкомъ ударило въ кадыкъ горла, отчего на нѣкоторое время я совершенно лишился голоса, но на другой день при медицинскомъ пособіи все прошло благополучно. Въ Сентябрѣ того же года возвращались моремъ войска наши изъ Франціи. Государь назначилъ около Ораніенбаума большіе маневры. Войска были раздѣлены на двѣ арміи: одна шла отъ Петербурга подъ командою Дибича, а вновь прибывшія войска и мы, которые тогда уже стояли подъ Петергофомъ, составляли армію непріятельскую подъ командою Толя и расположились около Ораніенбаума; къ этой же арміи присоединилась карабинерская бригада гренадерскаго корпуса подъ командою зятя моего Набокова*). Въ числѣ офицеровъ генеральнаго штаба былъ Петръ Колошинъ, мой родственникъ; ему и мнѣ, на время маневровъ прикомандированному къ штабу, поручено было отыскать колодцы на позиціи, которую мы должны были занять около Петергофа для принятія тамъ генеральнаго сраженія съ атакующимъ насъ Дибичемъ. Колошинъ отыскивалъ колодцы верхомъ, я же не имѣлъ не только лошади, но и порядочныхъ сапоговъ; тѣ, которые были на мнѣ, куплены у солдата на 1 руб. 50 коп. ассигн. и такъ потеряли мнѣ ноги, что я съ трудомъ ходилъ. Но, не смотря на это, колодцы къ вечеру на всей позиціи были вырыты, и порученіе мое благополучно окончено.

Поутру, когда я донесъ объ этомъ Толю, онъ послалъ меня въ Ораніенбаумъ къ Набокову съ приказаніями. Не имѣя ни денегъ, ни сапоговъ, я отправился пѣшкомъ за девять верстъ и, прибывъ къ Набокову, не имѣлъ уже физическихъ силъ двигаться. У него самого была одна сѣрая старая лошадь отъ отца съ кучеромъ его же Кирилой; нечего было дѣлать, нужно было меня отправить назадъ въ дрожкахъ и запречь уже порядочно измученнаго Сѣрко. Эпизодъ этотъ привожу, вспоминая лишенія и недостатки на первомъ шагу моего военного поприща. Нечего говорить, что всѣ передвиженія съ батальономъ я дѣлалъ пѣшкомъ по той же причинѣ. За содержаніе свое я платилъ по 25 руб. ассигн. въ мѣсяцъ въ устроенную для стола артель, но чай и сахаръ должны были имѣть свой, и потому мы съ Витовтовымъ, съ которымъ я жилъ, очень часто оставались безъ чаю, а если и разживались сахаромъ, то очень строго другъ за другомъ наблюдали, чтобъ

*) Женатаго на Екатеринѣ Ивановнѣ Пуццной. П. Б.

который либо изъ насъ не взялъ бѣльшаго одинъ противъ другого куска. Съ нами жилъ еще Квашнинъ-Самаринъ, который менѣе насъ нуждался, и мы безъ церемоніи или за спасибо пользовались его излишками.

Въ Январѣ 1818 г. переведенъ я былъ въ гвардію. Лѣтомъ мы стояли лагеремъ у Рыбачьяго села, а по приходѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, меня назначили обучать фронтовой службѣ инженерныхъ кондукторовъ; для этого я долженъ былъ ежедневно въ 7 часовъ утра приходить въ Инженерный замокъ, учить кондукторовъ ружейнымъ приѣмамъ и дѣлать примѣръ развода вступающему и смѣняющему караулу. Невыносимо было мнѣ это занятіе, обязывавшее вставать по крайней мѣрѣ въ 6 часовъ утра, тогда какъ при разгульной своей жизни я иногда ложился спать въ три часа и позже; при этомъ долженъ былъ еще исполнять всѣ другія обязанности въ батальонѣ, помѣщенномъ въ Преображенскихъ казармахъ около Таврическаго дворца, куда очень не часто могъ ѣздить на извозчикѣ. Особенно неприятно мнѣ было посвящать утро Воскресенья этому занятію съ кондукторами, весьма неохотно и поздно собиравшимися, когда не было классовъ; они тогда подъ разными увертками старались отговариваться отъ обязанностей весь праздничный день стоять въ караулѣ. Въ одно Воскресенье я пришелъ въ опредѣленный часъ; кондукторы стали собираться послѣ меня, и мнѣ пришлось довольно долго и весьма нетерпѣливо ожидать ихъ сбора, что, конечно, неблагопріятно меня настроило. Одинъ изъ кондукторовъ, Дуровъ, ожидая прибытія товарищей, сказалъ, что дорого бы далъ, еслибъ кто согласился за него это Воскресенье остаться въ караулѣ. Между тѣмъ, когда всѣ изъ кого долженъ былъ составиться караулъ собрались, я началъ дѣлать ученіе, и Дуровъ безпрестанно ошибался; на замѣчанія мои онъ отвѣчалъ, что у него разболѣлась голова, чему я, послѣ подслушаннаго мною разговора, не повѣрилъ и, продолжая ученіе, вытащилъ его за перевязь изъ фронта, далъ ему тычка въ спину и поставилъ на лишніе часы съ ружьемъ. На другой же день за разводомъ въ манежѣ великій князь сказалъ мнѣ, что на меня есть жалобы отъ директора училища графа Сиверса и отъ Оппермана, почему онъ не можетъ оставить меня при занятіи съ кондукторами, хотя очень хорошо знаетъ распущенность ихъ и нисколько меня не винить. На это я отвѣчалъ, что приму за особенную ко мнѣ милость, если его высочеству угодно будетъ меня уволить отъ этого занятія. На другой же день назначенъ вмѣсто меня Николай Денъ, и я совсѣмъ неожиданно освободился отъ крайне-непріятной обязанности.

Въ 1818 году великій князь Николай Павловичъ назначенъ генераль-инспекторомъ по инженерной части и не замедлилъ пріѣхать по-смотреть на гвардейскій саперный батальонъ, котораго тогда же назначенъ шефомъ. На первомъ ученіи выразилъ онъ свое неудовольствіе за незнаніе службы командирамъ дивизионовъ; старшихъ въ батальонѣ офицеровъ приказалъ на томъ же ученіи замѣстить младшими офицерами. Мнѣ досталось командовать первымъ дивизиономъ, Витовтову вторымъ, Квашнину-Самарину третьимъ, и юнкеру Баранову, представленному въ офицеры, четвертымъ. Ученіе пошло отлично. Великій князь послѣ большихъ намъ похвалъ сказалъ Сазонову, что Пущинъ и Витовтовъ лучшіе офицеры въ батальонѣ. Это одобреніе по службѣ было для насъ весьма пріятно, тѣмъ болѣе, что, прибавляя къ комплекту четырехъ прапорщиковъ, говорили, что переводимся не мы, а производятся юнкера. Извѣстіе это насъ такъ оскорбило, что мы объявили Сазонову, что если это случится, то мы ни минуты не остаемся. Сазоновъ далъ намъ честное слово, что никогда такой несправедливости въ отношеніи насъ не допуститъ. Все это происходило въ Рыбачьемъ селѣ, гдѣ мы стояли сперва лагеремъ, а потомъ, по случаю ремонта казармъ, по квартирамъ до поздней осени; очень много офицеровъ постоянно жили въ Петербургѣ. Я былъ въ ротѣ Александра Вансовича, со мною въ ротѣ былъ поручикъ Кононовъ. Капитанъ и поручикъ были горькіе пьяницы, безвыѣздно были при ротѣ, я также не имѣлъ возможности отлучаться въ Петербургъ по недостатку средствъ и потому вмѣстѣ съ моими старшими тянулъ для препровожденія времени горькую чашу зеленà вина, жилъ въ крестьянской избѣ безъ деревяннаго пола, что поразило захватившаго ко мнѣ Петра Михайловича Казина, служившаго у отца въ Адмиралтействѣ по заготовленію лѣсовъ и слѣдовавшаго по своему порученію. Казинъ мнѣ предложилъ 100 руб. ассигн. для сдѣланія деревяннаго пола; я, разумѣется, пола не сдѣлалъ, а деньги эти были для меня весьма не лишнія. Не была ли это взятка косвенно мнѣ переданная, объ этомъ я тогда даже и не подумалъ, потому что Казинъ былъ для насъ какъ родной: племянница его Евдокія Степановна Лутковская жила нѣкоторое время у моихъ сестеръ и изъ нашего дома вышла замужъ за Головина, отца нынѣшняго министра Просвѣщенія *).

Вскорѣ послѣ выпуска нашего изъ корпуса мы съ Витовтовымъ просили позволенія посѣщать въ Инженерномъ училищѣ классы фортификаціи у Христіани и миннаго искусства у Эльснера. Воспользовались мы этимъ разрѣшеніемъ до перевода нашего въ гвардію, когда служба стала насъ отвлекать отъ учебныхъ занятій.

*) Отсюда можно заключить, что „Записки“ писаны Пущиннымъ около 1863 года.

1819 г. въ Январѣ мѣсяцѣ меня на ваканцію произвели въ подпоручики, въ Февралѣ перевели во вновь сформированные конные пионеры, совершенно противъ желанія моего, и тогда въ помощь обмундировки получилъ я изъ кабинета царскаго 1000 руб. ассигн. На возраженіе мое великому князю, что я въ пѣхотѣ на счету хорошихъ офицеровъ и что, не умѣя ѣздить верхомъ, не надѣюсь быть хорошимъ кавалерійскимъ офицеромъ, великій князь отвѣчалъ, что хороший офицеръ вездѣ будетъ хорошимъ и что я долженъ быть въ конныхъ пионерахъ образцомъ, какъ и въ саперахъ. Нечего было дѣлать; я обмундировался и еще прежде приказа о переводѣ представленъ былъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ и рядовымъ, какъ образцы, на смотрѣ государю Александру Павловичу.

Чтобы усовершенствоваться въ правильной верховой ѣздѣ и кавалерійской службѣ, я просилъ вмѣстѣ съ переведеннымъ со мною изъ саперъ княземъ Тенишевымъ прикомандировать насъ къ л.-гв. гусарскому полку для рациональнаго изученія кавалерійской службы. Шестъ мѣсяцевъ прожилъ я въ Царскомъ Селѣ, всякій день ѣздилъ въ манежѣ подъ руководствомъ отличнаго кавалериста Петра Ивановича Слатвинскаго, изучилъ радикально всю суть кавалерійской службы и осенью возвратился къ эскадрону, тогда еще не укомплектованному и едва существующему. Командовалъ эскадрономъ Зассъ, вмѣстѣ съ нами въ чинѣ штабсъ-капитана переведенный изъ сапернаго батальона и совершенно не знавшій кавалерійской службы. Во время моего пребыванія въ Царскомъ Селѣ великій князь уговаривалъ гусарскаго ротмистра Ѳедора Петровича Офенберга перейти къ намъ для командованія эскадрономъ и мнѣ поручилъ его уговаривать, но ничто не польстило Офенберга, чтобы разстаться съ гусарскимъ мундиромъ, и тогда уже Зассъ назначенъ былъ командовать эскадрономъ. Князь Тенишевъ тогда посланъ былъ за ремонтъ, и я сдѣлался какъ бы экзерцирмейстеромъ въ эскадронѣ. На ученьяхъ великій князь и Зассъ всегда обращались ко мнѣ съ вопросами, что меня выставляло впередъ и было причиною внимательности и уваженія какъ начальниковъ, такъ и подчиненныхъ. Въ Декабрѣ 1819 г. я произведенъ въ поручики. Въ обществѣ со своимъ поручичьимъ чиномъ, на девятнадцатомъ году возраста, я уже имѣлъ нѣкоторое значеніе. Время тогда проводилъ я очень разсѣянно, часто посѣщалъ собранія; приглашаемъ былъ на маленькіе вечера къ большому и малому двору; зналъ меня лично государь и всегда былъ ко мнѣ привѣтливъ.

Въ 1821 г., послѣ Семеновскаго бунта, весною мы отправились въ назначенный тогда Итальянскій походъ. Императоръ, возвращаясь съ Лейбахскаго конгресса, первыхъ насъ, шедшихъ въ авангардѣ, встрѣ-

тилъ на станціи Нестера, остался очень доволенъ произведеннымъ намъ смотромъ, потому только, что былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Составъ нашего эскадрона былъ самый несчастный, лошади изъ седьмой легкой дивизіи, конечно, по большой части бракованныя: который изъ полковыхъ командировъ отдастъ хорошихъ лошадей изъ полка? У меня была очень красивая лошадь золотисто-гнѣдая, проданная какъ бракъ съ конюшни великаго князя послѣ того, какъ берейторъ выхлесталъ ей правый глазъ. Лошадь эта была подарена великому князю графинею Орловою, я и купилъ ее у Засса, который прибрѣлъ ее съ аукціона, за сколько, мнѣ неизвѣстно; я заплатилъ за нее 500 руб. ассигн., вставилъ глазъ; все время она мнѣ служила вѣрою и правдою и выдерживала много.

Трудно себѣ представить, съ какими затрудненіями собрался я въ походъ. Отъ отца помощи почти никакой, все для похода долженъ былъ прибрѣсти въ долгъ. Такъ какъ походъ назначался за границу, то намъ приказано было имѣть съ собою вьюки; кромѣ того нужно было имѣть лошадь съ повозкою на перевозку нашего добра въ походъ. вмѣстѣ съ Дараганомъ я имѣлъ повозку съ парюю лошадей, и у каждаго по запасной верховой лошади. Эскадронъ остановили въ Витебскѣ вмѣстѣ съ корпусной квартирою; намъ отвели квартиры въ самомъ городѣ. Я жилъ съ Дараганомъ, и туда, по просьбѣ моей о 2 т. ассигн., отецъ выслалъ 1000 руб. при запискѣ слѣдующаго содержанія: „посылаю тебѣ тысячу рублей, заплати за лошадь, а остальными живи какъ умѣешь“. Съ этого то времени начинаются мои неоплатные долги, отъ которыхъ во всю жизнь не могъ освободиться.

Изъ Витебска въ Августѣ мы выступили въ Бешенковичи, гдѣ были приготовленія къ большимъ маневрамъ и гдѣ гвардейскій корпусъ приготовлялся дать военный праздникъ государю, для чего составленъ былъ комитетъ, и я назначенъ былъ въ этотъ комитетъ для устройства дорогъ и украшенія мѣстности около шалаша, гдѣ приготовлялся обѣдъ государю среди вѣрной ему гвардіи. Праздникъ этотъ удался какъ нельзя лучше. Государь былъ веселъ и очень любезенъ. Мы думали, что онъ прикажетъ намъ возвратиться въ Петербургъ, но не тутъ-то было. На другой день послѣ праздника, на которомъ онъ ласкалъ нашего корпуснаго командира, послѣдній былъ смѣненъ назначеніемъ на его мѣсто Уварова, а гвардіи приказано на зимнія квартиры расположиться въ Литовскихъ губерніяхъ. Эскадронъ пошелъ въ Кайданово, 40 верстъ отъ Минска. Съ похода изъ Борисова я проѣхалъ черезъ Минскъ въ Паричи. Въ Бобруйскѣ стоялъ братъ Егоръ Ивановичъ, служившій въ саперахъ. Онъ поѣхалъ въ Паричи со мною. Было время Паричской ярмарки, гдѣ мы съ нимъ тамъ двѣ недѣли кутили, угощая

всѣхъ прїѣзжавшихъ на ярмарку помѣщиковъ; тогда я увидалъ ничтожество Поляковъ, нашихъ сосѣдей. Жалѣю той тысячи рублей, которую заплатилъ откупщицѣ Гитли за вино на ихъ угощеніе. Уѣзжая изъ Паричь, я взялъ на счетъ отца у Гитли 2 т. руб. и написалъ объ этомъ въ Петербургъ родителю, который за то гонялъ управителя Бялковскаго, но мнѣ никакого замѣчанія не сдѣлалъ. Послѣ посѣщенія дѣдушкою (вскорѣ послѣ полученія имѣнія вмѣстѣ съ матерью ѣздившаго на богомолье въ Кіевъ) я первый посѣтилъ имѣніе, и ничего тогда не понимая, думалъ, что оно управляется хорошо дворовымъ человѣкомъ Бялковскимъ.

По прїѣздѣ моемъ къ эскадрону въ Кайданово, я уже не засталъ Засса, который поскакалъ въ Петербургъ къ женѣ, съ намѣреніемъ привезти ее въ Кайданово. Вмѣсто него командовалъ эскадрономъ князь Тенишевъ. Дараганъ занялъ для насъ квартиру въ расположеніи моего взвода за 7 верстъ отъ Кайданова, въ Новоселкахъ, у помѣщика Костровицкаго, котораго титуловали панъ подкоморій; въ домѣ его мы довольно пріятно проводили время, до того пріятно, что я окончательно влюбился въ дочь его Эмилию, 16-ти лѣтнюю дѣвочку, хорошую музыкантшу. Дѣло у насъ слаживалось, и я уже писалъ въ Петербургъ, просилъ у отца позволенія жениться, выдти въ отставку и жить въ Паричахъ помѣщикомъ. Отвѣта не послѣдовало никакого; наконецъ, сестра Анна Ивановна написала, чтобъ я взялъ отпускъ, тогда можно будетъ о всемъ переговорить. Я, полный надежды и любви, отправился въ Петербургъ и вмѣсто мѣсяца подъ различными предлогами пробылъ въ немъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, получая всякій разъ отсрочки отъ великаго князя, совершенно забывая свою любовь, вспомнилъ только обѣщанную Эмилию музыку новой тогда оперы „Красная Шапочка“, которую и привезъ ей въ гостинецъ. Въ Петербургѣ получалъ я письма Костровицкаго на Польскомъ языкѣ, отвѣчалъ ему по русски, и вѣроятно мы очень мало другъ друга понимали.

Въ Кайданово возвратился я въ Апрѣль мѣсяцъ 1822 года, а въ Маѣ мы выступили въ Вильну; тамъ я нашелъ брата Ивана Ивановича, служившаго въ конно-гвардейской артиллеріи, нашелъ его безъ гроша денегъ и долженъ былъ подѣлиться съ нимъ взятыми деньгами въ Паричахъ, далъ ему тысячу рублей, которую онъ сейчасъ же издержалъ на обѣды, которые давалъ въ *Restauration des quatres nations*; черезъ недѣлю я ему далъ еще пятьсотъ рублей и потомъ для возвращенія въ Петербургъ долженъ былъ занять денегъ у товарищей.

Въ Кайданово изъ Петербурга присланы были въ эскадронъ Эльснеровскіе понтоны; съ ними мы прибыли въ Вильну, гдѣ весь корпусъ долженъ былъ собраться. Великій князь захотѣлъ похвастать

передъ императоромъ наводкою конно-піонерами моста изъ новыхъ понтоновъ. На одномъ изъ маневровъ мы должны были изъ этихъ понтоновъ устроить плоты для переправы войска чрезъ Вилію. Прибыли къ рѣкѣ, пріѣхалъ великій князь, вслѣдъ за нимъ и государь; спустили понтоны на рѣку, кое-какъ весьма неуспѣшно связали по два понтоны, и плоты стали переправляться черезъ рѣку, но къ берегу пристать никакъ не могли; офицера ни одного не было на плотяхъ, солдаты первый разъ обращались съ понтонами. Великій князь сердится, бранить Засса и конфузится передъ государемъ, котораго пригласилъ на эту неурядицу; но государь очень снисходительно смотритъ на всю эту комедію. Начальникъ штаба Желтухинъ, который одного меня зналъ изъ офицеровъ эскадрона, стоявшихъ на берегу, говоритъ мнѣ: „Ступайте, Пущинъ, на плоты и распорядитесь, какъ это никого изъ офицеровъ тамъ нѣтъ“. Не имѣя ничего для возраженія, я вступилъ на паромъ и конечно также безуспѣшно старался пристать къ другому берегу, относимый быстрымъ теченіемъ Виліи. Великій князь, уже сердитый, отъ другого берега кричитъ: „сынъ моряка, а не умѣетъ грести“. Вся комедія кончилась тѣмъ, что государь уѣхалъ не дождавшись переправы войскъ, великій князь разбранилъ Засса, досталось и другимъ офицерамъ, оставшимся на берегу. Когда я, кое-какъ приставъ на берегъ, отъ котораго отѣхалъ, сошелъ съ парома, начальство уже разѣхалось, и Зассъ съ соболѣзнованіемъ мнѣ говорилъ, что великій князь сказалъ про меня ему и Сазонову: „вотъ вамъ вашъ хваленый офицеръ, который оказывается дрянъ“. „Если великій князь дѣйствительно это сказалъ, то я ни одного дня не останусь служить, потому что служу не великому князю, а самому государю и отечеству“, — отвѣчалъ я, сейчасъ же рапортовался больнымъ и когда Сазоновъ ко мнѣ пріѣхалъ, я ему передалъ рассказъ Засса, котораго онъ не подтвердилъ, сказавъ, что Зассъ все солгалъ, что онъ заставитъ его въ этомъ передо мною сознаться и тогда надѣется, что упробитъ меня оставаться на службѣ, и онъ, какъ начальникъ инженеровъ, всегда можетъ защитить меня отъ клеветы Засса, который хотѣлъ тогда очистить въ эскадронѣ ваканцію для брата своей жены Никиты Завальевскаго, уже прикомандированнаго къ эскадрону, сапернаго подпоручика. На другой день у Сазонова Зассъ не подтвердилъ мнѣ сказаннаго, сказавъ, что, быть можетъ, ему такъ слышались слова великаго князя. Но я продолжалъ рапортоваться больнымъ. На походѣ изъ Дерпта мнѣ, какъ больному, разрѣшено ѣхать въ Петербургъ. Я пріѣхалъ прямо къ отцу на дачу и жилъ тамъ до Августа мѣсяца, ожидая Сентября, чтобы подать въ отставку.

Въ Августѣ прислалъ ко мнѣ великій князь своего адъютанта Кавелина сказать мнѣ, что онъ знаетъ всѣ мои неудовольствія съ Зассомъ, но проситъ меня выздоровѣть и пріѣхать въ Александровскую слободу, гдѣ эскадронъ былъ на травяномъ продовольствіи.

Исполняя желаніе великаго князя, я явился на службу, и на первомъ же ученіи передъ эскадрономъ онъ нѣсколько разъ благодарилъ меня, тогда какъ въ то же время распекалъ Засса. Постоянныя поощренія получалъ я отъ великаго князя во все время кампента 1823 г.; а съ Зассомъ онъ кончилъ тѣмъ, что на одномъ ученіи, послѣ сильнаго неудовольствія, посадилъ его на палочный пикетъ, куда никогда не сажаютъ офицеровъ, а назначеніе было бить палками провинившихся солдатъ. Зассъ послѣ этого оскорбленія сказался больнымъ и просился въ безсрочный отпускъ.

Постоянныя поощренія получалъ я отъ великаго князя, въ штабъ-капитанскомъ чинѣ командовалъ дивизіономъ, писалъ уставъ для конно-піонеровъ и два раза въ недѣлю по вечерамъ читалъ великому князю приготовленныя главы устава. Онъ всегда говорилъ мнѣ, что увѣренъ въ томъ, что я доведу эскадронъ до верха совершенства, что онъ уже видитъ огромную разницу противъ прежняго. Въ продолженіи зимы я подтянулъ гвардейскій эскадронъ, а Денисовъ, командовавшій за отсутствіемъ Бартоломея армейскимъ эскадрономъ, не отставалъ отъ меня, и мы вывели эскадроны на лѣтній кампентъ 1824 г. въ отличномъ порядкѣ, на удивленіе всѣмъ старымъ гвардейскимъ полкамъ. Великій князь особенно просилъ меня заняться наводкою моста. Я выпросилъ у него шесть недѣль, въ которыя просилъ не смотрѣть дивизіона, и въ это время, почти ежедневно, по два раза въ день, училъ наводить мостъ и успѣлъ такъ, что, вмѣсто прежняго часа и болѣе, стали наводить мостъ въ четверть часа послѣ трехъ недѣль практическихъ занятій. Узнавъ объ этомъ, великій князь назначилъ смотръ, не смотря на то, что я напоминалъ ему его обѣщаніе дать мнѣ шесть недѣль времени. Навели мостъ въ четверть часа; онъ былъ въ восторгѣ и просилъ государя на маневрахъ посмотрѣть піонеръ такъ осрамившихся передъ нимъ въ Вильнѣ. Государь направилъ такъ маневръ, что весь атакующій корпусъ долженъ былъ переправиться черезъ фабрикантскую рѣчку по мосту, который дивизіонъ конно-піонеръ долженъ былъ навести въ самомъ пылу сраженія. Молодцы піонеры, подстрекаемые часами въ рукахъ императора, на этотъ разъ навели мостъ въ 11 минутъ. Государь благодарилъ великаго князя, который былъ въ восхищеніи и меня разцѣловалъ, а государь высочайшимъ приказомъ того 5-го Іюня объявилъ мнѣ особое благоволеніе и по окончаніи маневровъ въ Августѣ произвелъ въ капитаны за отличіе.

Говоря о наградахъ и благоволеніяхъ по службѣ, тутъ же хочу припомнить и о взысканіяхъ, которыми въ ней тогда подвергался. Стоя во внутреннемъ дворцовомъ караулѣ въ чинѣ поручика, мнѣ для занятія вечеромъ, въ залу, гдѣ стоялъ караулъ, принесли ночникъ (сальная свѣча опущенная въ высокій подсвѣчникъ, наполненный водою). Караулъ занималъ залу подлѣ Комитета Раненыхъ, откуда истопникъ вынесъ ночникъ. Я послалъ туда у.-оф., съ приказаніемъ, чтобъ мнѣ принесли положенныя для караульнаго офицера восковыя свѣчи. Я слышалъ, какъ истопникъ отвѣчалъ у.-о.: „великая фря твой офицеръ, посидитъ и съ сальной свѣчой“. Не дождавшись доклада у.-о., я приказалъ ему вытащить грубаго истопника и въ караульной залѣ велѣлъ отсчитать ему нѣсколько сабельныхъ фухтелей. По жалобѣ истопника прибѣгаетъ ко мнѣ дежурный гофъ-фурьеръ Бабкинъ и съ грубостью сталъ дѣлать мнѣ замѣчанія; я караулу приказалъ выпроводить его прикладами. Тогда уже является ко мнѣ гофмаршалъ Альбедиль, которому я объявилъ, что наказалъ истопника за грубость, отъ гофъ-фурьера также не намѣренъ принимать замѣчаній. „Вамъ бы слѣдовало жалобу занести коменданту, и ихъ бы наказали за грубость, а теперь вы за это сами подвергнетесь строгому взысканію“. Поутру пришелъ ко мнѣ комендантъ Башуцкій и, распросивъ о происшествіи, никакого замѣчанія мнѣ не сдѣлалъ. Обстоятельство это меня совершенно успокоило. По смѣнѣ караула, возвратившись домой, никому изъ начальства своего я ничего не донесъ. На другое утро въ 8 часовъ пріѣзжаетъ ко мнѣ нашъ адъютантъ Нарышкинъ, застаеъ меня за чаемъ и удивляется, что я еще не одѣтъ, чтобы быть къ 9 часамъ у корпуснаго командира Васильчикова. „Зачѣмъ мнѣ быть у Васильчикова?“ спрашиваю я его. „Какъ зачѣмъ, развѣ тебѣ не приносили приказа?“ — „Какой приказъ, никакого приказа я не видалъ“. Позвали человѣка; онъ сказалъ, что приносили мнѣ ночью приказъ, что я его читалъ и сказалъ: „хорошо“. Я же, послѣ ночи, проведенной въ караулѣ во дворцѣ, такъ крѣпко спалъ, что читалъ и говорилъ сонный, а проснувшись поутру ничего не помнилъ. „Все это прекрасно, — сказалъ Нарышкинъ, — но дѣло въ томъ, что тебя требуетъ корпусный командиръ въ 9 часовъ, теперь половина 9-го, одѣвайся скорѣй; если опоздалъ, то немного“. Тогда я припомнилъ все происшествіе въ караулѣ внутреннемъ и догадывался, зачѣмъ меня требуетъ къ себѣ Васильчиковъ. Пріѣхавши къ нему, я ожидалъ въ пріемной комнатѣ, потому что великій князь Николай Павловичъ былъ въ то время у него въ кабинетѣ. Скоро великій князь вышелъ въ сопровожденіи А. Бенкендорфа и, увидѣвъ меня, сказалъ: „а, вотъ и онъ здѣсь; отдаю вамъ его съ руками и ногами“. Тогда доложили обо мнѣ Васильчикову. Онъ позвалъ меня въ кабинетъ, порядочно пудрилъ и между прочимъ

сказалъ, что за такіе поступки можно дорого поплатиться, отправилъ меня къ коменданту съ приказаніемъ по высочайшему повелѣнію арестовать меня на гауптвахтѣ; выходявшему мнѣ изъ кабинета Бенкендорфъ передалъ приказаніе его высочества захватить къ нему въ Аничковскій дворецъ прежде коменданта.

Великаго князя я нашель за завтракомъ вдвоемъ съ великою княгинею. Его высочество приказалъ мнѣ позавтракать съ нимъ, прежде чѣмъ меня отправить на гауптвахту, велѣлъ подробно рассказать все случившееся въ караулѣ. Я въ рассказѣ своемъ ничего не утаилъ; августѣйшіе мои слушатели очень забавлялись моимъ рассказомъ и смѣялись отъ души. Наконецъ великій князь сказалъ: „очень хорошо знаю, что прислуга Зимняго дворца распущена и большіе негодяи; ты, можетъ быть, хорошо сдѣлалъ, что проучилъ ихъ, но не менѣе того такое самоуправство не можетъ быть терпимо, и ты благодари судьбу, что мнѣ удалось смягчить гнѣвъ государя, который хотѣлъ тебя въ солдаты разжаловать, но по просьбѣ моей приказалъ посадить тебя на три дня на гауптвахту. Это очень милостиво, и ты теперь отправляйся къ Башуцкому“*). Башуцкій взялъ у меня саблю и отправилъ меня въ Арсенальную гауптвахту. Тамъ я нашель содержащагося подъ арестомъ и разжалованнаго въ солдаты Дорохова, который въ театрѣ на балконѣ сѣлъ на плечи какого-то статскаго совѣтника и хлесталъ его по головѣ за то, что тотъ въ антрактѣ занялъ мѣсто незанумерованное и имъ передъ тѣмъ оставленное. Черезъ нѣсколько лѣтъ я встрѣтился съ Дороховымъ на Кавказѣ, другой разъ разжалованнымъ.

1-го Января 1822 г. послѣ обычныхъ поздравленій, въ полной формѣ, пріѣхавъ домой въ 4 часа, снявъ форму и надѣвъ сюртукъ и фуражку, я спѣшилъ обѣдать къ отцу, пошелъ не черезъ дворы, гдѣ напало множество снѣгу, а кругомъ по Мойкѣ, Машкову переулку въ Конюшенную. На улицѣ было уже довольно темно, когда на поворотѣ въ Конюшенную встрѣтилъ я великаго князя въ саняхъ; снявъ фуражку, я ему поклонился; но видно было, что онъ меня не разглядѣлъ, иначе непременно бы остановилъ. На другой день онъ прислалъ ко мнѣ Засса спросить, встрѣтилъ ли онъ меня на поворотѣ въ Мошковъ переулокъ, а если встрѣтилъ, то чтобъ я отправлялся на недѣлю на гауптвахту. Я отвѣчалъ, что дѣйствительно встрѣтилъ великаго князя, ему поклонился, былъ въ фуражкѣ, потому что шелъ вечеромъ къ отцу обѣдать въ одномъ со мною домѣ, раздѣленномъ нѣсколькими дворами заваленными снѣгомъ, миновать которые я пошелъ кругомъ, не въ формѣ,

*) Около этого времени разбранившій за царскимъ обѣдомъ слугу графъ Николай Григорьевичъ Строгановъ былъ сосланъ на безысходное житье въ Тамбовскую деревню. П. Б.

думая, что вечеромъ форма моя никому не нужна, просилъ Засса доложить объ этомъ великому князю, полагая, что онъ отмѣнитъ свое приказаніе послѣ моего объясненія; но онъ его не отмѣнилъ, и я отправленъ былъ комендантомъ на Адмиралтейскую гауптвахту. Черезъ недѣлю выпущенный изъ подъ ареста, явился я въ казармы на ученіе, гдѣ уже ожидалъ меня великій князь, нарочно туда пріѣхавшій, чтобы со мною встрѣтиться. „Что, весело было сидѣть на гауптвахтѣ?“ спросилъ онъ. „Очень весело, ваше высочество“, отвѣчалъ я, „тѣмъ болѣе, что терпѣлъ незаслуженное наказаніе и котораго ложью могъ бы избавиться“. „Какъ это такъ?“ „Очень просто. Когда приказали вы меня спросить, встрѣчалъ ли я васъ, я могъ бы сказать, что не встрѣчалъ, потому что самый вопросъ вашъ заключалъ сомнѣніе и неувѣренность вашу; я предпочелъ сказать правду, и вы, посадивъ меня подъ арестъ, поступили не великодушно, пользуясь вашею властію; солги я, не былъ бы подъ арестомъ, за то не могъ бы похвалиться передъ вами, что въ виду наказанія вамъ не солгалъ“. „Ты правъ, Пуцинъ, извини меня, я ошибся, виноватъ передъ тобою и какъ нибудь посчитаемся“. Расчетъ не заставилъ себя долго ожидать. Въ Декабрѣ того же года, стоя во внутреннемъ караулѣ въ чинѣ поручика, я получилъ передъ смѣною приказъ о производствѣ въ штабсъ-капитаны, чинъ, который меня избавлялъ отъ караульной службы. Зная, что великій князь въ Царскомъ Селѣ, я рѣшился отпустить караулъ въ казармы съ унт.-о., приказалъ ему, если кто спроситъ, гдѣ офицеръ, сказать, что у офицера пошла кровь носомъ и онъ уѣхалъ домой, куда дѣйствительно я поспѣшилъ изъ дворца сейчасъ послѣ смѣны, чтобъ подѣлиться своею радостью съ сестрами и братьями. Но на мою бѣду великій князь, возвращаясь изъ Царскаго, встрѣтилъ караулъ у казармъ безъ офицера и приказалъ меня на двѣ недѣли посадить на гауптвахту. Когда адъютантъ пріѣхалъ мнѣ это объявить, я послалъ рапортъ о болѣзни. Великій князь приказалъ меня выдержать подъ арестомъ по выздоровленіи; но я, рапортовавшись больнымъ, рѣшился выйти въ отставку, если великій князь не перемѣнитъ своего рѣшенія, и онъ свое рѣшеніе измѣнилъ; а я, проболѣвши нѣсколько мѣсяцевъ, во всей формѣ пріѣхалъ благодарить великаго князя за чинъ. Тутъ онъ заключилъ со мною мировую и сказалъ, что надѣется, что въ штабъ-офицерскомъ чинѣ я перестану школьничать.

Это было весною 1823 года, когда началась самая горячая служебная дѣятельность, которая поставила эскадронъ на высшую по тогдашнему степень совершенства, и ко мнѣ, по приказанію государя, присланы были отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ учиться сѣдланію и обмундированію. Въ 1824 году я былъ командующій дивизіономъ,

потому что Зассъ былъ въ безсрочномъ отпуску, а Бартоломей весною уѣхалъ на Кавказскія минеральныя воды. Осенью, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, великій князь назначилъ смотръ на Царицыномъ лугу и наводку моста на канавѣ Лѣтняго сада; онъ показывалъ дивизионъ зятю своему принцу Оранскому. Я наканунѣ смотра сдѣлалъ все распоряженіе къ смотру. Вечеромъ возвращается Бартоломей изъ отпуска и на смотру становится какъ старшій командовать дивизиономъ, тогда какъ не зналъ даже новыхъ командныхъ словъ, въ отсутствіе его введенныхъ. Несмотря на это, смотръ прошелъ благополучно: на смотру великій князь меня цѣловалъ, а Бартоломею на другой день во дворцѣ надѣлъ штабъ-офицерскія эполеты; мнѣ же ничего, какъ будто не я все время работалъ съ дивизиономъ. Трудно было переносить такую несправедливость, но я молчалъ и по прежнему съ усердіемъ исполнялъ свои служебныя обязанности.

На инспекторскомъ смотру дивизионнаго начальника нашего Паскевича я представилъ между прочими книгами и свою экономическую книгу, гдѣ у меня записывались приходомъ всѣ экономическія суммы штатнаго положенія и расходомъ, все, что издерживалось эскадрономъ. Паскевича очень удивила книга, которую онъ первый разъ встрѣтилъ на инспекторскомъ смотру и, по донесенію его объ ней, приказомъ по корпусу, велѣно было по примѣру моему всѣмъ гвардейскимъ полкамъ завести такія экономическія книги и представлять ихъ на инспекторскіе смотры. Это возбудило всеобщее неудовольствіе на меня всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, которые даже при встрѣчѣ со мною перестали мнѣ кланяться. Нисколько не тревожась этимъ, я шелъ своимъ прямымъ путемъ, по службѣ пользовался особеннымъ расположеніемъ и уваженіемъ начальства и довелъ свою часть до возможнаго совершенства при тогдашнихъ служебныхъ требованіяхъ.

Недостатокъ средствъ къ жизни втянулъ меня въ карточную игру и въ знакомство со всѣми зятями женившихся на Собакиныхъ¹⁾ и черезъ то разбогатѣвшихъ; я въ игрѣ съ ними нашелъ себѣ денежныя средства къ жизни. Шишмаревы, Манзе, Сабиръ и Альбрехтъ²⁾, зятя, любили игру и кормили хорошими обѣдами. Я черезъ товарища Н. Фед. Шишмарева былъ со всѣми ими знакомъ, всегда игралъ съ ними въ бостонъ, вистъ и банкъ, всегда почти возвращался домой съ выигрышемъ и не менѣе 20 т. ассигн. въ годъ пріобрѣталъ постоянно игрою съ ними, что давало мнѣ возможность жить безбѣдно и держать хорошихъ лошадей.

¹⁾ Богачи Яковлевы-Собакины. П. Б.

²⁾ Альбрехтъ, отецъ Ольги Карловны Рейтернъ, владѣлъ нынѣшнимъ дворцомъ великой княгини Ксеніи Александровны (бывшимъ домомъ княгини Воронцовой). П. Б.

7 Ноября 1824 года въ казармахъ я училъ пѣшему строю эскадронъ; во время отдыха слышу смѣхъ солдатъ, стоявшихъ у окна. Спрашиваю, чему они смѣются; солдаты меня просятъ посмотреть какъ будошникъ, стоявшій у Троицкаго собора, не знаетъ куда дѣться отъ воды, подходящей къ его будкѣ. Увидѣвъ это, я тотчасъ послалъ людей въ конюшню сѣдлатъ лошадей, а самъ пошелъ къ вступившему въ командованіе дивизіономъ Зассу (возвратившемуся изъ отпуска) сказать ему, что вывожу эскадронъ изъ конюшенъ. На это Зассъ съ улыбкою мнѣ говоритъ: куда же вы думаете вести эскадронъ? Хоть на Пулкову гору, отвѣчаю я, только не хочу утопить лошадей въ конюшнѣ. Пока я ѣхалъ съ эскадрономъ до Загороднаго проспекта, вода такъ поднималась, что снесла всѣ мостики, и я вмѣсто Пулковой горы съ трудомъ добрался до вала на Семеновскомъ парадномъ мѣстѣ. Стоялъ я преспокойно на валу, когда черезъ часъ или менѣе пришелъ туда же и армейскій эскадронъ, только въ самомъ жалкомъ положеніи, съ потерянною амунициею и точно какъ бы спасался отъ преслѣдованія неприятеля. На валу мы простояли до того времени, какъ начала вода сбывать и начало исчезать море, образовавшееся изъ Семеновскаго плаца. Вода въ этой мѣстности поднималась болѣе чѣмъ на два аршина. Послѣ трехъ часовъ пополудни она начала сбывать, но такъ медленно, что мы двинулись въ обратный путь, когда уже начинало смеркаться. Возвращеніе было очень трудное и медленное отъ всѣхъ предметовъ нанесенныхъ вѣтромъ и водою въ улицы; версту съ небольшимъ отъ казармъ мы шли часа три или четыре. Нужно было спѣшивать людей и расчищать дорогу, что было очень трудно, потому что воды оставалось немного, и часто люди руками, на рукахъ, должны были относить обломки крышъ, доски, бревна и все, что загромождало дорогу. Я такъ окостенѣлъ верхомъ на лошади, что принуждены были меня съ лошади снять и нести по лѣстницѣ въ мою квартиру, лишившись на время всякой возможности двигаться.

Потери полковъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, были довольно значительны, а командиры еще болѣе ихъ преувеличивали. Когда приказано было представить вѣдомости всѣмъ утраченнымъ вещамъ, тогда вѣдомости поданы были самыя недобрѣсовѣстныя. Бартоломей показалъ потерю своего эскадрона на 70 т. ассигн. Я подалъ рапортъ, что въ командуемомъ мною эскадронѣ потери столь малозначительны, что будутъ мною пополнены изъ экономической суммы, считая безчестнымъ обременять казну вымышленными потерями во время такого общаго бѣдствія, требующаго помощи отъ казны. Зассъ мой рапортъ скрылъ, представилъ на 70 т. потерь въ дивизіонѣ и подѣлился ими съ Бартоломеемъ, который потомъ смѣялся надо мною, говоря, что я остался

въ чистыхъ дуракахъ, даже спасибо ни отъ кого не слыхалъ, и точно это обстоятельство сдѣлало для меня противною мою службу, и съ тѣхъ поръ я сталъ помышлять, какъ бы скорѣе ее бросить безъ потери служебныхъ преимуществъ гвардейскихъ.

II.

Но вотъ наступалъ 1825 годъ роковой для меня цѣлымъ рядомъ неудачъ и, могу сказать, безпримѣрныхъ несчастій. Осенью 1824 года Зассъ, который прожилъ болѣе года въ безсрочномъ отпуску, возвратился къ эскадрону, командованіе которымъ доставляло ему средства къ жизни, вступилъ въ командованіе дивизіономъ и выхлопоталъ въ Январѣ 1825 года у великаго князя приказъ о принятіи дивизіона на законномъ основаніи, тогда всю хозяйственную часть взялъ себѣ, а намъ предоставилъ часть строевую и командованіе эскадронами на тѣхъ основаніяхъ, какъ и въ прочихъ гвардейскихъ полкахъ. Причина такого распоряженія была та, чтобы придать болѣе единства, такъ какъ замѣчено, что гвардейскій эскадронъ далеко превзошелъ армейскій, которому предоставлено было гвардейское довольство; даже отпускались деньги на плисовые лацкана, тогда какъ у него мудиры были однобортные. Въ сущности у армейскаго эскадрона должно было оставаться болѣе экономическихъ средствъ на поддержаніе хозяйственной части эскадрона.

Приказъ великаго князя такъ меня раздражилъ, что, будучи геморроидальнымъ, я впалъ въ гипохондрію, получилъ бессонницу и дошелъ до такого состоянія, что могъ только на нѣсколько минутъ забыться, утомившись на прогулкѣ и прислонившись къ стѣнѣ котораго либо дома на улицѣ; постель я совершенно оставилъ: при самой большой утомленности не могъ въ ней заснуть.

Средства къ содержанію въ гвардіи были у меня самыя скудныя. Отъ отца опредѣленнаго содержанія не получалъ. Всякій разъ прибѣгать къ нему съ просьбою о деньгахъ для него, а еще болѣе для меня все еще было сносно, пока я жилъ въ домѣ отца на готовомъ содержаніи, но когда пришлось мнѣ командовать эскадрономъ, тогда явилась необходимость жить въ казармахъ, имѣть свой столъ и содержать экипажъ и всю прислугу. До 1825 года я постоянно счастливъ былъ въ карточной игрѣ и выигрывалъ въ годъ отъ 7 до 8 т. ассигн., что очень много помогало мнѣ для приличнаго содержанія въ гвардіи.

Въ первый разъ я придумалъ встрѣтить у себя новый годъ приличною пирушкою. Въ числѣ гостей былъ и братъ Иванъ Ивановичъ, пріѣхавшій на праздники изъ Москвы. Аѳанасій Шипмаревъ заложилъ

банкъ, всѣ стали понтировать, и къ удивленію моему братъ Иванъ Ивановичъ также, онъ, котораго я прежде никогда не видалъ играющаго; но Москва его развратила, и къ утру онъ проигралъ 7 т. рубл.. Мнѣ захотѣлось его отыграть, и я проигралъ еще 3 т., такъ что мнѣ пришлось заплатить 10 т., конечно и за брата, который никогда ни гроша денегъ не имѣлъ: если бывало и заведутся, то тотчасъ издержатся; надо сказать, что часто въ помощь нуждающимся. Чтобы заплатить Шишмареву, я тутъ же занялъ пять тысячъ и такимъ образомъ въ началѣ года остался безъ денегъ и сдѣлалъ долгъ, который меня совершенно разстроилъ. Вслѣдъ за тѣмъ новое разстройство при сдачѣ эскадрона Зассу; къ тому же болѣзнь разстроила меня физически, такъ что до весны я какъ тѣнь скитался отъ бессонницы и геморoidalныхъ припадковъ. Я имѣлъ разрѣшеніе, не рапортовавшись больнымъ, на службу не являться, и великій князь по совѣту доктора Лейтона приказалъ мнѣ пользоваться всѣми общественными развлеченіями, гдѣ, какъ выразился, ему всегда пріятно будетъ меня встрѣчать. При встрѣчѣ со мною по веснѣ спросилъ о моемъ здоровьѣ; я ему сказалъ, что къ лѣтнему кампаненту надѣюсь сѣсть на коня, на что онъ очень любезно мнѣ отвѣчалъ, что если я придумаю это сдѣлать, то онъ меня попросить прямо ѣхать на гауптвахту, такъ для меня противную, вспомнивъ вѣроятно при этомъ, какъ я въ прошломъ году отъ нея съ упорствомъ отдѣлался. „Нѣтъ, сказалъ онъ, ты до времени и не думай о службѣ, береги свое возвращающееся здоровье, а по наступленіи теплаго времени поѣзжай на морскія воды“. Конечно такое положеніе для меня было очень пріятно, и я имъ пользовался какъ только могъ лучше.

Тогда я сблизился съ домомъ Потаповыхъ. Племянница ихъ Елена, вышедшая изъ института, нѣсколько времени до пріѣзда родныхъ, жила у моихъ сестеръ, гдѣ, видѣвшись съ нею каждый день, такъ сблизился, что могъ надѣяться на полученіе руки, тѣмъ болѣе, что тетка ея, Потапова, меня, кажется, любила и желала нашего соединенія, о чемъ я потомъ узналъ отъ пріятельницы ея М. Д. Боборыкиной.

Въ Іюнѣ я уѣхалъ въ Ревель, подготовивъ такъ свои дѣла, что по возвращеніи своемъ дѣлаю предложеніе и получаю согласіе какъ Нелене, такъ и родныхъ ея. Легко и весело мнѣ было ѣхать въ Ревель съ такими осуществляющимися надеждами. Въ Ревелѣ, гдѣ долженъ былъ пробыть два мѣсяца, я остановился въ одномъ домѣ съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, пріѣхавшимъ туда изъ Москвы; я съ нимъ тогда познакомился, сблизился и подружился. Письма изъ Петербурга поддерживали мои розовыя надежды, которыя должны были черезъ два мѣсяца осуществиться.

Не долго продолжалось это веселое, полное надеждъ расположеніе; недѣль черезъ шесть получаю письмо отъ сестры Анны Ивановны, что Нелѣне невѣста не моя, а Христова, послѣ простуды при чахоточномъ расположеніи. Вмѣстѣ съ Нелѣне разрушились всѣ мои надежды на счастливую будущность, и тогда въ первый разъ я возропталъ на злую судьбу свою, которая еще не такъ должна была меня преслѣдовать; припомнилъ въ то время разговоръ мой съ юродивымъ до поѣздки въ Ревель. Послѣ наводненія въ 1824 году, которое разнесло передній фасадъ дачи нашей у взморья за Екатерингофомъ, отецъ нанялъ дачу напротивъ своей, по другую сторону Петергофской дороги, чтобы ближе наблюдать за исправленіями на дачѣ. До поѣздки въ Ревель я провелъ конецъ Мая и начало Іюня на этой дачѣ и на утреннихъ прогулкахъ по окрестностямъ встрѣчалъ юродиваго, жившаго на дачѣ княгини Вяземской, извѣстнаго своимъ даромъ предсказаній. Захотѣлось мнѣ отъ него узнать о своей долѣ; я спросилъ у него, буду ли я счастливъ въ предполагаемомъ супружествѣ, и онъ указалъ мнѣ на проѣзжавшій мимо возъ съ сѣномъ. „Смотри, сказалъ, сѣно на видъ кажется хорошо, а какъ раскопать возъ, то окажется гнилое“. Бредить старикъ, подумалъ я, потому что тогда Нелѣне разцвѣтала какъ роза и пользовалась отличнымъ здоровьемъ.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ морскихъ купаній въ Ревелѣ, здоровье мое очень поправилось. До полученія горестнаго извѣстія я проводилъ очень пріятно время въ обществѣ Спиридовыхъ, Спафарьевыхъ, Клюпфелевъ, въ домахъ которыхъ постоянно встрѣчался съ Вяземскимъ, Лазаревымъ, Бабуцкимъ, Мантейфелемъ, Лашко, Клюпфелемъ и кн. Шварценбергомъ. Передъ отъѣздомъ изъ Ревеля пришла туда эскадра адмирала Крауна, крейсеровавшая въ Балтійскомъ морѣ; передъ возвращеніемъ въ Петербургъ она должна была еще недѣли двѣ пребыть въ морѣ. Вяземскому, Шварценбергу, Лазареву и мнѣ пришла мысль возвратиться моремъ въ Петербургъ. Краунъ охотно согласился взять насъ на свой корабль, гдѣ экипажъ былъ гвардейскій и много изъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ: Казинъ, Пушкинъ и Кюхельбекеръ. Я помѣстился въ каютѣ Кюхельбекера и прочіе мои товарищи по другимъ каютамъ. Первый разъ я испытывалъ величіе моря, все было для меня ново и интересно, отъ морской болѣзни я страдалъ очень мало, не такъ какъ береговые спутники мои. Краунъ ввелъ насъ въ свою каюту, показалъ буфетъ и сказалъ, что во всякое время можемъ имъ пользоваться какъ своимъ, тутъ же угостивъ насъ отличной мадерой и Англійскимъ сыромъ. Однажды, когда я крѣпко спалъ въ каютѣ, меня будить матросъ съ фонаремъ; такъ какъ это было ночью, то я былъ этимъ очень удивленъ и полагалъ, что вѣрно хотѣлъ разбудить кого

либо изъ морскихъ; на вопросъ мой, зачѣмъ онъ меня разбудилъ, онъ отвѣчаетъ мнѣ: поворотъ. Убирайся со своимъ поворотомъ, говорю я ему, полагая все, что онъ думаетъ говорить съ морякомъ. Пушка, продолжаетъ онъ. Чтò мнѣ за дѣло до твоего поворота и пушки, убирайся, оставь меня спать. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что его послалъ ко мнѣ стоявшій на вахтѣ Кюхельбекеръ, чтобы я перелегъ головой на другую сторону, потому что корабль сдѣлалъ поворотъ, у меня голова оказалась ниже ногъ, и какъ мнѣ сказалъ этотъ матросъ, я только тогда это почувствовалъ: оставь меня Кюхельбекеръ спать въ моемъ положеніи, Богъ знаетъ, чтò со мною бы случилось.

Мы все время держались открытаго моря и одну ночь, когда мы стояли на якорѣ, сдѣлалась буря. Краунъ приказалъ отрубить якоря, мы ихъ оставили въ морѣ и пустились бороться съ вѣтрами; дней десять мы плавали, подходили къ Готланду, т. е. видѣли островъ какъ въ туманѣ.

Изъ Ревеля во время нашего пребыванія мы ѣздили въ Балтійскій портъ и Гапсаль; въ Гапсалѣ познакомились съ двумя хорошенькими Барановыми и съ Тизенгаузенъ; послѣднія замужемъ, одна за графомъ Панинымъ, другая была за Захаржевскимъ. Барановы тоже вышли замужъ, одна за Теннера, а другая не припомню за кого. Тогда за одною изъ Барановыхъ волочился А. Я. Лазаревъ и когда мы уѣзжали изъ Ревеля, она дала ему письмо кузинѣ своей Тизенгаузенъ, передъ нами съ отцомъ уѣхавшей въ Петербургъ. На кораблѣ Лазаревъ, не смотря на отговариваніе наше, вздумалъ письмо это изъ любопытства прочесть и прочелъ самые нелестные о себѣ отзывы, конечно бросилъ письмо въ море, получивъ то, чтò заслужилъ.

Возвратившись въ Петербургъ, я принялся за службу съ обычнымъ рвеніемъ, но тогда же удостоверился, что здоровье мое не позволяетъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ. Въ письмѣ къ великому князю просилъ о переводѣ меня въ кавалерійскую дивизію, квартирующую въ Харьковской губерніи. В. Ѡ. Адлербергъ отъ имени его высочества предлагалъ мнѣ переводъ въ 7 или 8 піонерный баталіонъ, расположенный въ Одессѣ и около, съ тѣмъ чтобы носить мундиръ конно-піонерный армейскій и при новомъ ихъ формированіи получить тамъ въ командованіе дивизіонъ. Не соглашаясь на это предложеніе, я отвѣчалъ, что желаю перевода въ старый кавалерійскій полкъ для того, чтобы лучше отвѣчать ожиданіямъ великаго князя при назначеніи меня формировать новый конно-піонерный дивизіонъ; тогда великій князь предложилъ мнѣ переводъ въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ, котораго былъ шефомъ, и въ началѣ Ноября пошло въ Таганрогъ представленіе обо мнѣ государю съ просьбою великаго князя оставить мнѣ старшин-

ство по гвардіи для производства въ полковники, а Лепарскому (полковому командиру Сѣверскаго полка) великій князь тогда же писалъ, что, переведя меня въ свой полкъ, онъ переводитъ будущаго командира полка по производствѣ его въ генералы, которое не должно замедлиться.

Такимъ образомъ начатыя переговоры о перемѣнѣ моей службы еще въ концѣ Сентября мѣсяца только въ Ноябрѣ получили окончательное направленіе, и представленіе обо мнѣ пошло тогда въ Таганрогъ, когда уже императора Александра не стало. Я между тѣмъ сшилъ себѣ конно-егерскій мундиръ, для сестеръ намалевалъ мнѣ какой-то охотникъ (плохой живописецъ) за 25 руб. портретъ въ новой формѣ, и я ожидалъ только приказа, чтобы разстаться съ опротивѣвшимъ мнѣ Петербургомъ. Вдругъ неожиданно роковая вѣсть о кончинѣ Александра разнеслась въ Петербургъ. Извѣстіе это получено въ то время, какъ всѣ были собраны на молебствіе о здравіи въ Невскій монастырь, послѣ полученнаго извѣстія, что государю лучше; но тутъ же, не кончивши молебствія, начали служить панихиду по полученіи извѣстія, что императора не стало. Тогда начались переговоры между великими князьями. Всѣ оставались въ тревожномъ ожиданіи послѣ того, какъ тотчасъ же присягнули цесаревичу Константину. Слухи носились, что цесаревичъ отказался и что императоромъ будетъ Николай. Въ высшихъ сферахъ, конечно, все извѣстно; но для публики была тревожная неизвѣстность. Я былъ одинъ изъ тѣхъ, которые желали императора Николая, но это казалось невѣроятнымъ для меня потому только, что было бы слишкомъ хорошо.

Еще прежде кончины императора у Петра Колошина изъ бюро пропали деньги; жена его Марія Сергѣевна настоятельно требовала, чтобы онъ поѣхалъ къ гадалщицѣ Киргофъ и черезъ нее отыскалъ вора. По просьбѣ Колошина я согласился съ нимъ поѣхать къ Киргофъ и даже просить ее и мнѣ погадать. Для Колошина она, развернувъ колоду картъ, сказала цвѣтъ одежды вора, и болѣе никакихъ указаній не было ею сдѣлано. Когда дошла очередь до меня, она опять развернула на столъ свою перетасованную колоду и сказала: „Вы ищите перемѣны по службѣ, подавали объ этомъ три бумаги; перемѣна вамъ будетъ, но не та, которую вы ожидаете; странно говорятъ карты, вы будете солдатъ“, потомъ опять перебрала свои карты и прибавила: „это не должно васъ тревожить, вы солдатомъ прославитесь; денегъ же, денегъ у васъ будетъ столько, что вы будете бросать золотомъ безъ счету; конецъ вашъ будетъ тихій и благополучный“. Конечно я посмѣялся такому предсказанію вмѣстѣ съ Колошинымъ, который, при ожидаемой перемѣнѣ Константина и Николая, тогда же предсказывалъ мнѣ скорое

возвышеніе по службѣ, что конечно очень было правдоподобно по отношеніямъ моимъ къ великому князю Николаю Павловичу. Мы съ тобою, конечно, не будемъ вмѣшиваться въ престолонаслѣдіе, по пословицѣ, сказалъ онъ: что не попъ, то батька, хотя съ воцареніемъ Николая вся выгода на твоей сторонѣ.

Во время междуцарствія совсѣмъ неожиданно пріѣхалъ изъ Москвы братъ Иванъ Ивановичъ; еще прежде его пріѣзда сестра Анна Ивановна, не получавшая долго отъ него писемъ, сказала мнѣ однажды: можетъ быть, тебѣ придется съѣздить въ Москву, если скоро не получимъ письма отъ Ивана; я за него очень боюсь, чтобы онъ не замѣшался въ какую нибудь политическую исторію.

Сейчасъ по пріѣздѣ братъ сталъ говорить, что если назначена будетъ новая присяга, то присягать не слѣдуетъ, что нельзя дозволить такъ легко обращаться съ чужою совѣстью, особенно необразованнаго народа. Однажды онъ мнѣ сказалъ: побывай у Рылѣва, тебѣ будетъ яснѣе нынѣшнее наше положеніе. Изъ любопытства на другой день утромъ я пошелъ къ Рылѣву, который мнѣ тогда сказалъ, что многіе рѣшились не принимать новой присяги, что большая часть войска готова взяться за оружіе и защищать народную совѣсть, что Корниловичъ съ Юга, а Якубовичъ съ Кавказа привезли извѣстіе о самомъ лучшемъ настроеніи войскъ. Тогда нѣсколько прояснился для меня намекъ сестры, слова брата стали понятнѣе, и я уже не сомнѣвался въ существованіи заговора, который еще составлялся и въ который набираются соучастники. Еще болѣе убѣдилъ меня въ этомъ Якубовичъ, зайдя къ которому, я засталъ за завтракомъ и за бутылкою вина; онъ съ Кавказа пріѣхалъ послѣ полученной тамъ раны въ голову, большой былъ хвастунъ и съ перевязаннымъ лбомъ морочилъ православный людъ. На Кавказѣ узналъ я разнаго рода его продѣлки, какъ онъ съ Верзилинымъ условился перевозить храбрость другъ друга. Верзилинъ исполнялъ условіе добросовѣстно, а Якубовичъ вездѣ и всѣмъ разглашалъ противное противъ Верзилина, что еще болѣе заставляло вѣрить словамъ Верзилина про него. При мнѣ всѣ были осторожны, какъ узналъ я впоследствии, оттого, что я не принадлежалъ къ обществу. Странно теперь вспомнить, что, побираясь этими смутными свѣдѣніями, я нисколько не беспокоился въ той увѣренности, что все это пустая болтовня, которая ничѣмъ не кончится; тѣмъ болѣе я могъ это предполагать, что въ то время очень много и свободно толковали о злоупотребленіяхъ въ администраціи и развивали конституціонныя идеи во всѣхъ собиравшихся офицерскихъ кружкахъ, въ гостиныхъ и гостиницахъ. Мнѣ случилось въ то время у Андріе слышать за обѣдомъ, что одинъ пистолетный выстрѣлъ въ Петербургѣ подыметъ всю Европу, и деспотамъ придется искать убѣ-

жища въ Азіи или въ свободной Америкѣ. Въ воздухѣ носился революціонный духъ, и вся молодежь была имъ болѣе или менѣе заражена.

По Воскресеньямъ занималась четырехъ-мѣстная карета, которая должна была везти къ Ивану Алексѣевичу Яковлеву на Васильевскій островъ въ Загибенинъ переулочекъ меня, двухъ Искрицкихъ, Чевкина и Галямина. Карета ожидала на сборномъ пунктѣ у Искрицкихъ, жившихъ вмѣстѣ съ Чевкинымъ у Синяго моста. 13-го Декабря 1825 г. въ Воскресенье я пришелъ на сборный пунктъ довольно рано, нашель тамъ Александра Искрицкаго и Галямина. Чевкинъ и Демьянъ Искрицкій, служившіе при корпусномъ штабѣ, еще даже на обѣдъ домой не возвращались. Въ ожиданіи ихъ мы играли въ Halbe-Zwölf. Скоро пришелъ къ намъ Игнатъевъ, ротмистръ конно-гвардіи, съ порученіемъ отъ Чевкина и Искрицкаго сказать намъ, чтобы мы ихъ не ожидали, что они къ Яковлеву за неизмѣнимъ времени не поѣдутъ. Тогда Игнатъевъ сказалъ намъ, что завтра восшествіе на престолъ Николая Павловича и что поэтому въ штабѣ очень заняты необходимыми распоряженіями для присяги, что всѣмъ начальникамъ приказано отъ своихъ частей не отлучаться и вездѣ къ 8 часамъ утра собрать войска для принесенія присяги. Только теперь для меня сдѣлалось вѣрно ходившее извѣстіе объ отреченіи Константина Павловича и, вспомнивъ слова брата, Рылѣева и другихъ, я, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ Яковлеву, пошелъ отыскивать брата къ Рылѣеву, жившему черезъ нѣсколько домовъ отъ Искрицкаго, въ домѣ Американской Компаніи, которой онъ былъ дѣлопроизводителемъ. Навѣрно думалъ я застать у него брата и посовѣтовать ему принять новую присягу и отстать отъ намѣренія сопротивляться власти. Войдя въ переднюю къ Рылѣеву, меня поразило множество шубъ, хотя ни одного экипажа не было на улицѣ у подъѣзда. Въ комнатахъ нашель я большое собраніе и нѣсколько знакомыхъ мнѣ личностей въ числѣ множества незнакомыхъ. Но брата тамъ не было и, не достигнувъ своей цѣли, я хотѣлъ черезъ нѣсколько минутъ уйти, тѣмъ болѣе, что удивленные взгляды нѣкоторыхъ меня убѣдили, что я тутъ лишній. Но Рылѣевъ послѣ обычнаго привѣтствія сказалъ: господа, это нашъ; я его съ дѣтства знаю, онъ насъ не выдастъ. Послѣ такой рекомендаціи мнѣ стало стыдно за свое малодушіе, я рѣшилъ остаться, чтобы имѣть понятіе въ чемъ дѣло; не скрою того, что любопытство возбужденное къ тому же подстрекало и, когда Рылѣевъ попросилъ господъ военныхъ въ другую комнату, я вмѣстѣ съ Сутгофомъ, Кожевниковымъ, Арбузовымъ, Бестужевымъ, Пановымъ, Фохтомъ, Коновницынымъ, Палицынымъ и другими (всѣхъ не припомню) пошелъ за Рылѣевымъ и сѣлъ за круглый столъ, на которомъ лежали какія-то бумаги. Тутъ я слышалъ обѣщаніе привести на площадь полкъ Измай-

ловскій, въ которомъ онъ служилъ подпоручикомъ, Сутгофа и Попова тоже сдѣлать съ л.-гв. гренадерскимъ, Щепина-Ростовскаго съ Московскимъ и Арбузова и Петра Бестужева съ гвардейскимъ экипажемъ. Мною выражено было сомнѣніе, что нельзя полагаться на прапорщиковъ, чтобы они, помимо своихъ начальниковъ, повели полки; что это несбыточно; если старшіе офицеры исполнятъ свою обязанность, то я посмотрѣлъ бы, какъ младшій меня офицеръ, состоящій подъ моимъ начальствомъ, сдѣлалъ бы это, развѣ только проведя эскадронъ черезъ мой трупъ; что послѣ всего слышаннаго мною здѣсь весьма сомнѣваюсь въ успѣхѣхъ предпріятія; другое дѣло, если бы мнѣ здѣсь сказали, что Милорадовичъ и другое извѣстное войску лицо стоитъ во главѣ движенія: тогда, можетъ быть, и я бы къ нему примкнулъ. Я совѣтовалъ имъ не надѣяться на обѣщанія молодыхъ офицеровъ, говорилъ, что предпріятіе ихъ не можетъ имѣть удачи, что они себя губятъ, конечно, идя на это предпріятіе, они, можетъ быть, приносятъ себя въ жертву; но за что же они хотятъ погубить легковѣрныхъ, которыхъ успѣютъ соблазнить, а что погубятъ себя и ихъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Рылѣевъ на это возразилъ, что если не удастся ничего сдѣлать въ Петербургѣ, то они отретируются на Старо-Русское военное поселеніе и, поднявъ его, возвратятся съ нимъ въ Петербургъ. Надо не имѣть никакого понятія о стратегіи, чтобы полагать возможнымъ ретироваться по Петербургскимъ дефилеямъ, замѣтилъ я. Тогда оберъ-прокуроръ Сената Краснокутскій сказалъ, что если будетъ собрано войско на Сенатской площади, онъ заставитъ сенаторовъ подписать конституцію и отреченіе отъ престола императора; между тѣмъ будетъ отдано приказаніе занять дворецъ и вывезти оттуда царскую фамилію, а въ случаѣ невозможности вывезти, всю истребить. Пріѣхавшій изъ южныхъ губерній Корниловичъ сказалъ: стотысячная армія ожидаетъ только сигнала и готова пойти на соединеніе съ сѣвернымъ возстаніемъ. Сергѣй Трубецкой, который назначался въ сенаторы, заговорилъ въ моемъ тонѣ и между прочимъ сказалъ: я совершенно согласенъ съ Пушинымъ, что къ поднятію оружія мы не готовы и что нѣтъ никакого нравственнаго ручательства въ успѣхѣхъ предпріятія. Рылѣевъ тогда сказалъ, что отложить задуманнаго нельзя, что правительству открыты глаза, и указалъ на лежавшій на столѣ разговоръ государя съ Ростовцовымъ, имъ письменно сообщенный, разговоръ, въ которомъ Ростовцовъ предостерегалъ Николая Павловича противъ готовящагося возмущенія. (Мнѣ пришлось по времени узнать происхожденіе этого оригинальнаго доноса. За нѣсколько дней до 14-го Декабря собрались у князя Евгенія Оболенскаго Каховской и Ростовцевъ и послѣ толковъ о предстоящемъ предпріятіи Ростовцовъ имъ объявилъ, что не можетъ поми-

рить съ своею совѣстью истребленіе царской фамиліи, что обязанностию считаетъ предупредить будущаго государя, но даетъ свое честное слово никого не называть и не дѣлать прямыхъ указаній ни на кого. Оболенскій пришелъ въ восторгъ отъ заявленія Ростовцева, сталъ его цѣловать и, похваливъ благородство его, отпустилъ съ благословеніемъ дѣлать то, что совѣсть ему указываетъ. Ростовцевъ отправился во дворецъ и предупредилъ великаго князя о готовящемся возстаніи, никого не назвалъ и разговоръ свой съ нимъ, своею рукою написанный, передалъ Рылѣву). Этотъ свертокъ, лежавшій на столѣ, былъ прочитанъ; по прочтеніи этой оригинальной бумаги, Бестужевъ Александръ восторженно вскрикнулъ: Переходимъ за Рубиконъ, руби все! По крайней мѣрѣ объ насъ будетъ страничка въ исторіи. На эти слова я отвѣчалъ очень тихо: страничка эта замараешь исторію нашу и покроетъ насъ стыдомъ, взялъ шляпу и вышелъ отъ Рылѣва въ надеждѣ, что посѣянная мною нерѣшительность въ диктаторѣ князѣ Трубецкомъ произведетъ свое хорошее дѣйствіе и что возстаніе будетъ по меньшей мѣрѣ отложено на неопредѣленное время. Выходя отъ Рылѣва, у крыльца встрѣтилъ я Моллера, полковника Финляндскаго полка, на другой день вступающаго съ батальономъ въ караулъ во дворецъ и который долженъ былъ завладѣть дворцомъ, о чемъ только что узналъ я отъ Рылѣва. Не допуская Моллера до снятія шубы, я попросилъ пройти со мною немного, имѣя нужду съ нимъ о серьезномъ дѣлѣ переговорить, рассказалъ ему о всемъ, слышанномъ у Рылѣва, совѣтовалъ ему отказаться отъ своего намѣренія и обѣщанія, къ Рылѣву не ходить, чтобы избавиться отъ непріятныхъ для него объясненій. Моллеръ говорилъ о своемъ честномъ словѣ, еще такъ недавно имъ данномъ. Для дѣла безчестнаго нѣтъ честнаго слова, отвѣчалъ я ему, и въ разговорахъ, насъ тогда занимавшихъ, мы прошли до Измайловскаго моста по Вознесенскому проспекту; тутъ мы съ нимъ разстались послѣ обѣщанія, даннаго мнѣ, не участвовать въ готовящемся возстаніи, отъ замысловъ котораго у него кружилась голова.

Я жилъ въ Измайловскихъ казармахъ на одной квартирѣ съ Дарганомъ, нашелъ у него Бартоломея и Денисова за стаканами чая и имъ рассказалъ все мною въ этотъ вечеръ слышанное и мною говоренное. Эскадрономъ я давно не командовалъ, потому что хотя и не рапортовался больнымъ, но имѣлъ разрѣшеніе великаго князя не заниматься службою по причинѣ сильнѣйшихъ геморроидальныхъ припадковъ, которые въ настоящемъ случаѣ усилились до того, что тотчасъ по возвращеніи отъ Рылѣва я слегъ въ постель и въ постелѣ принималъ вахмистра Кузьмина, который пришелъ ко мнѣ посоветоваться о томъ, какъ поступить эскадрону, присягать завтра или нѣтъ, потому что

солдаты Измайловскаго полка забѣгаютъ въ казармы наши и говорятъ, что они присягать не будутъ, потому что ихъ обманываютъ. Не распространяясь въ разговорѣ съ Кузьминымъ, я его отправилъ, сказавъ: эскадронъ будетъ дѣлать, что я прикажу, потому что завтра я буду при эскадронѣ во время присяги, что нужно исполнять приказаніе начальства, что за исполненіе солдатъ въ отвѣтъ не будетъ, напротивъ же за неисполненіе подвергается строгому наказанію. Ночь, какъ часто со мною было, я провелъ безъ сна, эту же въ особенности отъ волненія, дѣйствовавшаго пагубно на мои немощи. Въ 7 часовъ утра черезъ силу пошелъ я въ казармы, куда въ дежурную комнату были собраны всѣ офицеры по приказу съ вечера по всѣмъ войскамъ. Когда я проходилъ въ дежурную комнату мимо солдатской казармы и здоровался съ эскадрономъ выстроеннымъ для присяги, эскадронъ такъ громко отвѣчалъ на мое ему привѣтствіе, что испугавшійся Зассъ выскочилъ изъ дежурной комнаты, чтобы узнать, что такое случилось. Это молодцы здороваются съ начальникомъ, котораго давно передъ строемъ не видали, сказалъ я Зассу и вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ дежурную комнату, гдѣ уже нашелъ собравшихся нашихъ и Измайловскаго полка офицеровъ.

Несмотря на высказанное мною наканунѣ дня присяги, Рылѣевъ, не знаю почему, все еще полагалъ, что я съ эскадрономъ приму участіе въ возстаніи и пока мы ожидали начальника дивизіи, который долженъ былъ приводить насъ къ присягѣ, послалъ ко мнѣ сперва генеральнаго штаба офицера Палицына, что Московскій полкъ на Сенатской площади, потомъ Коновницына, что туда же прибылъ лейбъ-гвардіи гренадерскій и гвардейскій экипажъ. Когда вызывалъ меня Палицынъ, Зассъ спросилъ зачѣмъ; я отвѣчалъ, что Палицынъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ и хотѣлъ узнать отъ меня о времени и порядкѣ присяги, а про Коновницына сказалъ, что отыскивалъ у меня Палицына, котораго требуютъ въ штабъ.

Въ девять часовъ вывели войска на казарменный дворъ, гдѣ прочитана была присяга, всѣми повторенная, но нѣкоторые офицеры Измайловскаго полка заставляли солдатъ кричать: Константину! Несмотря на то, присяга была принята, и тутъ же получено приказаніе эскадрону сѣдлатъ лошадей и выступить на Сенатскую площадь, также Измайловскому полку идти туда же, взявъ съ собою боевые патроны. Это произвело во мнѣ такое волненіе, что, не имѣвъ возможности сѣсть на коня и вести эскадронъ, я вынужденъ былъ лечь въ постель и въ постели нетерпѣливо ожидать со страхомъ извѣстій съ мѣста дѣйствія. Первое извѣстіе было отъ солдатъ, которые привезли убитаго любимаго мною унтеръ-офицера и солдата, смотрѣвшаго за моими лошадьми. Второе, самъ Рылѣевъ, который пріѣхалъ мнѣ объявить,

что все потеряно, оттого что я и многие не исполнили принятых на себя обязательствъ. Братъ Иванъ Ивановичъ также прїѣзжалъ ко мнѣ и выговаривалъ мнѣ, зачѣмъ я былъ у Рылѣва, что онъ съ умысломъ все отъ меня скрывалъ и не завербовалъ меня въ общество, чтобы я оставался у родныхъ, когда онъ самъ погибнетъ; онъ зналъ навѣрно, что пропадетъ, потому что никакой вѣры не имѣлъ въ организацію общества, но отъ товарищей отстать не хотѣлъ. Показалъ онъ мнѣ картечныя дыры въ своей шубѣ и сказалъ, что когда всѣ начальствующіе въ каре разошлись, ему пришлось принять начальство и распоряжаться; послѣднее его распоряженіе было: *sauve qui peut!**)). Но онъ всетаки надѣялся, что меня не возьмутъ къ отвѣту, а если и возьмутъ, то вѣроятно отпустятъ, потому что не будетъ въ чемъ меня обвинить. Тревожно проведенный день 14-го Декабря сильно меня разстроилъ. У меня оставался ночевать Илья Назимовъ, не бывшій при батальонѣ, наканунѣ ко мнѣ прїѣхавшій и видѣвшій меня въ такихъ тяжелыхъ страданіяхъ.

15-го, въ 9 часовъ утра, когда я еще лежалъ въ постели, прїѣхалъ генералъ нашъ Сазоновъ съ приказаніемъ отъ государя меня къ нему привезти. Я встрепенулся, собралъ послѣднія силы, одѣлся въ мундиръ, взялъ съ собою всѣ деньги, которыя у меня были, въ томъ числѣ и казенныя, и вмѣстѣ съ Сазоновымъ въ его саняхъ поѣхалъ во дворецъ. На дорогѣ встрѣтилъ брата Ивана Ивановича, ѣхавшаго ко мнѣ съ сестрою Анною Ивановною, которая доложила, что государь требуетъ меня къ себѣ, чтобы сдѣлать меня флигель-адъютантомъ. Сазоновъ меня привезъ на дворцовую гауптвахту, гдѣ занимала караулъ рота Финляндскаго полка, усиленная наканунѣ гв. сапернымъ батальономъ. Дежурный по карауламъ былъ полковникъ Моллеръ, который, увидавъ меня, такъ оторопѣлъ, что, спросивъ у Сазонова приказаніе меня арестовать, уже протянулъ руку къ моей саблѣ. Сазоновъ отвѣчалъ, что никого приказанія о моемъ арестѣ отъ государя не имѣлъ, но государь желаетъ меня видѣть, а привезъ онъ меня на гауптвахту для того только, чтобы ожидать пока государю угодно будетъ меня потребовать къ себѣ, о чемъ онъ идетъ спросить государя. Между тѣмъ бывшій тутъ же на гауптвахтѣ товарищъ мой Витовтовъ извѣстилъ меня, что уже нѣсколько человекъ взятыхъ были у допроса у государя; что, кажется, они сдѣлали показанія на многихъ, что братъ мой Иванъ Ивановичъ еще не былъ взятъ, я не сказалъ ничего о немъ. Исповѣдь моя не имѣла бы смысла; къ тому же я тогда полагалъ, что, можетъ, братъ и не будетъ задержанъ, если никто

*) Спасайся кто можетъ!

его не выдасть. Когда меня потребовали къ государю, я вооружился всевозможными отрицаніями. Во дворцѣ въ залахъ было необыкновенное движеніе и непрерывная бѣготня флигель и всякихъ адъютантовъ. Когда передъ кабинетомъ государя я ожидалъ, упираясь на саблю, горькой участи своей, всѣ проходившіе мимо меня пожимали плечами; иные звѣрски на меня смотрѣли, и никто съ особеннымъ участіемъ, какъ бы боясь высказать его въ дворцовыхъ стѣнахъ; одинъ только начальникъ штаба Нейдгартъ подошелъ ко мнѣ и съ участіемъ спросилъ: скажите, Пуцинъ, виноваты вы или нѣтъ? Я отвѣчалъ, нѣтъ. Онъ крѣпко пожалъ мою руку и сказалъ: ну теперь я совершенно спокоенъ насчетъ васъ. Какой-то Преображенскій офицеръ, котораго никогда я не видалъ, проходя мимо меня съ товарищемъ, сказалъ: въ тихомъ омутѣ черти водятся, казался всегда такимъ скромнымъ!

Наконецъ вышелъ изъ кабинета государь во всей формѣ со шляпою въ рукахъ и, увидавъ меня, сказалъ Сазонову: возьмите у него саблю и отправьте его на гауптвахту, теперь мнѣ съ нимъ толковать нѣтъ времени, а по моемъ возвращеніи приведите его ко мнѣ. Государь отправлялся благодарить и отпустить войска, со вчерашняго дня собранныя около дворца и ночевавшія на бивакахъ. Возвратившись на гауптвахту уже арестованнымъ, я приведенъ былъ въ комнату караульнаго офицера, гдѣ въ это время командиръ батальона Геруа завтракалъ. Мои отношенія съ нимъ были самыя лучшія; онъ не сталъ ни о чемъ меня спрашивать, а пригласилъ съ нимъ позавтракать, на что я охотно согласился, потому что даже чаю не успѣлъ выпить дома (это было уже во второмъ часу). Государь отъ войскъ возвратился въ третьемъ часу, и меня привели къ нему уже въ сопровожденіи двухъ часовыхъ. Въ комнатѣ передъ кабинетомъ государя находились въ то время Левашовъ, который снималъ допросы, и дворцовый комендантъ Башуцкій. Вскорѣ вышелъ изъ кабинета государь въ сюртукѣ безъ эполетъ, подошелъ ко мнѣ и довольно ласковымъ тономъ сказалъ: Знаю, что ты ихъ отговаривалъ; но ты мнѣ долженъ сказать, почему ты мнѣ не донесъ.—Я, ваше величество, не знаю о чемъ доносить, потому что ровно ничего не понималъ и ни о чемъ обстоятельно не зналъ. Тогда государь, перемѣнивъ тонъ, сказалъ Левашову: „Такого закоренѣлаго упрямства, какъ въ этомъ человѣкѣ, я ни въ комъ не встрѣчалъ. Вы хоть на ножи его посадите, онъ вамъ ничего не скажетъ; но я васъ заставляю говорить: допросите его хорошенько, генераль“, и повернулся, чтобы идти въ кабинетъ, но опять возвратился. Тогда въ слѣдъ уходящему ему я сказалъ: „Когда я имѣлъ причины, государь, вамъ ничего не сказать, то уже конечно генераль Левашовъ ничего отъ меня не узнаетъ“. „Посмотримъ, кто кого переупрямитъ“, сказалъ государь, снова

возвращаясь въ кабинетъ. Левашовъ, взявъ листъ чистой бумаги, сталъ задавать мнѣ вопросы и записывать мои на нихъ отвѣты. Вопросы и отвѣты были слѣдующіе: Были у присяги? Быль. Гдѣ? При эскадронѣ. Знали о существованіи общества? Нѣтъ. О существованіи заговора? Тутъ я долженъ бы былъ сказать да, но я отвѣчалъ нѣтъ. Допросъ производился въ присутствіи Башуцкаго, не знаю почему тутъ все время остававшагося. Во время допроса входилъ государь и, подойдя ко мнѣ, опять ласково сказалъ: „Ай, ай, Пущинъ, никогда я отъ тебя этого не ожидалъ“ и, коснувшись пальцемъ моего лба, прибавилъ: „а это все голова!“ — „Я такъ счастливъ, государь, что голова моя по сіе время не вводила меня ни въ какое дурное дѣло и надѣюсь, что и впредь меня никогда не введетъ“. — „Буду очень радъ, если ты оправдаешься“, сказалъ государь и возвратился въ кабинетъ. Левашовъ, получивши мои отвѣты на всѣ вопросные пункты, просилъ меня ихъ подписывать (не совсѣмъ правдивые отвѣты) и я сказалъ ему, что я полагаю, что мнѣ нечего подписывать, когда нѣтъ и не можетъ быть отъ меня ни указаній, ни показаній. Это правда, замѣтилъ онъ и съ отвѣтами моими пошелъ къ государю.

Пока Левашовъ еще не возвратился отъ государя, Башуцкій, который почувствовалъ сердцемъ мою невинность, сказалъ: „Пущинъ, я за васъ, потому что вѣрю вамъ; виновный такъ съ государемъ говорить какъ вы не можетъ и не посмѣетъ.“ — „Благодарю, в. п., всегда буду помнить участіе ваше, столь драгоцѣнное въ теперешнемъ моемъ положеніи“. Левашовъ вышелъ отъ государя съ запечатаннымъ конвертомъ; увидавъ это, Башуцкій, удивленный, попятился назадъ. Левашовъ, подойдя къ нему, сказалъ что-то на ухо. — Ну, теперь я покоенъ, отвѣчалъ Башуцкій и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: „Пойдемте, Пущинъ, со мною“, и молча повелъ меня въ Комендантскую канцелярію, позвалъ фельдъегеря, которому приказалъ меня отвести къ коменданту Петропавловской крѣпости Ал. Яков. Сукину.

Я былъ очень коротко знакомъ въ домѣ Сукина по товариществу моему съ племянникомъ Сукина, Витовтовымъ, жившимъ до женитьбы своей въ его домѣ, почему и ожидалъ отъ Сукина какого либо покровительства, дожидаясь у него въ залѣ вмѣстѣ съ доставившимъ меня фельдъегеремъ; туда пришелъ плацъ-адъютантъ Николаевъ, и къ нему я адресовалъ просьбу передать Витовтову мою визитную карточку, на которой тутъ же у коменданта написалъ: туда, гдѣ я буду сидѣть, доставить мнѣ табаку, книгъ, сюртукъ и халатъ. Николаевъ отозвался, что отъ арестантовъ недозволено принимать никакихъ писемъ. „Но я, какъ извѣстно вамъ, пользуюсь знакомствомъ коменданта и, кажется никто не можетъ мнѣ помѣшать оставить ему свою визитную карточку.

Возраженія не было, и я положилъ карточку съ моею припискою на столъ; не знаю, что сдѣлалось съ этой карточкою, но я тогда подумалъ, что Сукинъ, посмотрѣвъ на карточку, вспомнилъ о заключенномъ и во всякомъ случаѣ не можетъ не передать ее Витовтову, а если нѣтъ, то это подло. Вышелъ Сукинъ, распечаталъ привезенный фельдъегеремъ конвертъ и сказалъ: „Государь дѣлаетъ вамъ милость, приказавъ посадить васъ не въ казематъ, а на гауптвахту“. Тогда я понялъ, почему слова сказанныя Левашовымъ Башуцкому на ухо успокоили его: онъ, добрѣйшій, полагалъ, что гауптвахта рай земной въ сравненіи съ казематомъ.

Плацъ-адъютантъ отвелъ меня на гауптвахту, гдѣ стоялъ на караулѣ Семеновскій офицеръ Дамичъ. Такъ какъ я былъ въ мундирѣ, и у меня не было никакихъ вещей, то я попросилъ Дамича послать отъ меня открытую записку съ вѣстовымъ въ Измайловскія казармы къ товарищу моему Дарагану. Записка была слѣдующая: „Я содержусь на гауптвахтѣ Петропавловской площади; пришли мнѣ трубку, табакъ, сюртукъ, халатъ и книги, которыя лежатъ на письменномъ столѣ“. Прежде чѣмъ просить объ этомъ караульнаго офицера, я просилъ черезъ плацъ-маіора у коменданта позволенія послать за моими вещами, но комендантъ отказалъ, и Дамичъ, хотя и зналъ это, но никакого не сдѣлалъ затрудненія исполнить мою просьбу, напротивъ поспѣшилъ отправить записку съ приказаніемъ вѣстовому скорѣе съ отвѣтомъ возвратиться.

Вечеромъ того же дня привезли ко мнѣ въ сотоварищи: Кожевникова Нила, Фохта и Шторха, а на другой день сапернаго на караулѣ кн. Вадбольскаго. Привезли подъ вечеръ къ намъ же графа Захара Чернышова. Чернышовъ во всеуслышаніе началъ критиковать дѣйствія заговорщиковъ 14-го числа и сказалъ, что по мнѣнію его нужно было увѣряться въ артиллеріи и поставить ее противъ Зимняго дворца, дать нѣсколько залповъ ядрами, гранатами или картечью, чѣмъ попало, и тогда онъ увѣренъ, что дѣло бы приняло совершенно иной образъ и мы тутъ бы не сидѣли. Я остановилъ его, сказавъ, что тутъ не мѣсто на такія разсужденія и что конечно теперь болѣе чѣмъ когда нужно быть поскромнѣе. На другой день насъ поочереди вызывали къ коменданту. Товарищей моихъ повели прежде меня, и они на гауптвахту не возвращены. Меня послѣдняго отвели къ коменданту. Когда я къ нему пришелъ, онъ мнѣ показалъ мою записку къ Дарагану и спросилъ, я ли ее писалъ. На утвердительный мой отвѣтъ спросилъ, почему я называю крѣпость площадью. „Никогда не называлъ такъ крѣпость“, утверждалъ я. „Вотъ доказательство противнаго“, сказалъ Сукинъ и показалъ мнѣ записку мою къ Дарагану, въ которой дѣйствительно была моя

описки (на гауптвахтѣ Петропавловской площади), а на запискѣ карандашемъ государевой рукою написано: „спросить у Пущина, почему онъ крѣпость называетъ площадью?“ Конечно мнѣ не трудно было увѣрить Сукина, что тутъ не было никакого умысла, но что свѣжее происшествіе на площади такъ врѣзалось въ мою мысль, что совершенно нечаянно написалось на бумагѣ въ запискѣ, съ поспѣшностью писанной. „Зачѣмъ вы писали записку?“ — „Это выражено въ запискѣ, которую черезъ пл.-маіора просилъ я у вашего превосход. переслать, но когда вами было отказано, караульный офицеръ не нашелъ никакого затрудненія переслать открытую записку, видя, что у меня ничего нѣтъ, чтобы хоть нѣсколько успокоиться ночью“. Сукинъ мои объясненія принялъ благодушно и сказалъ, что ему очень жаль, что мои товарищи не умѣли себя вести на гауптвахтѣ и что я хотя останавливалъ Чернышова, но государь приказалъ всѣхъ разсадить по казематамъ, не исключая никого.

Въ 11 часовъ меня отвели во временно-устроенный казематъ въ кронверкѣ и посадили въ чуланъ три аршина ширины и четыре длины. Чуланы, временно устроенные изъ сыраго сосноваго лѣса, издавали сильный запахъ смолы. Кельи эти были расположены по обѣимъ сторонамъ коридора, и въ двери каждой кельи было окошко со стекломъ, завѣшенное отъ коридора; ходившій по коридору часовой съ ружьемъ безпрестанно заглядывалъ, вѣроятно изъ любопытства. Когда я вступилъ въ кронверкскую куртину, то еще кельи достраивались, и несносный шумъ топоровъ наводилъ какую-то грусть. Я одинъ изъ первыхъ занялъ свою келью; по мѣрѣ ихъ изготовленія поступали новые жильцы ихъ. Въ первые дни моего заточенія я постоянно слышалъ мелодическій свистъ, который интриговалъ; исходилъ онъ изъ одной кельи противъ меня, черезъ коридоръ, расположенной. Хотѣлось очень мнѣ узнать, кто этотъ артистъ, для чего я обратился къ остановившемуся противъ моей двери часовому; часовой обѣщалъ мнѣ узнать и мнѣ сообщить. Отъ него я узналъ, что интересный свистунъ ротмистръ Франкъ, мой товарищъ по корпусу, и вслѣдъ за тѣмъ у насъ завелся разговоръ черезъ того же часоваго. Но не всѣ часовые помогали нашимъ развлечениямъ: были и такіе, которые даже и не отвѣчали на наши имъ вопросы и молча опускали занавѣску. Дней черезъ нѣсколько послѣ моего заключенія вошелъ ко мнѣ плацъ-маіоръ, завязалъ мнѣ глаза, долго водилъ меня сперва по какимъ-то коридорамъ, потомъ по улицѣ и наконецъ опять въ какомъ-то домѣ. Когда онъ развязалъ мнѣ глаза, я узналъ знакомый мнѣ залъ комендантскаго дома, и тамъ въ одномъ углу за ширмой онъ мнѣ указалъ на стулъ, на который я могъ сѣсть. Скоро ко мнѣ пришли какіе-то чиновники, завязали мнѣ глаза и опять начали кружить со мною по комнатамъ. Но такъ какъ комен-

дантскій домъ мнѣ довольно былъ знакомъ, то я очень хорошо зналъ, что меня нѣсколько разъ провели по однимъ и тѣмъ же комнатамъ; по сіе время непонятенъ для меня этотъ ни къ чему не ведущій маневръ. Наконецъ меня остановили, развязали глаза, и я очутился въ ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ за большимъ столомъ сидѣли: воен. мин. Татищевъ, Кутузовъ, Поталовъ, Левашовъ, Бенкендорфъ и Адлербергъ, все члены слѣдственной комиссіи, къ которой принадлежалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, но его тогда тутъ не было. Адлербергъ предложилъ мнѣ вопросы, на которые я отвѣчалъ уже со всею откровенностью, потому что, когда еще сидѣлъ на гауптвахтѣ, видѣлъ, какъ привезли моего брата Ивана со связанными руками, въ сопровожденіи фельдъегеря и двухъ жандармовъ верхомъ съ обнаженными саблями. Адлербергъ спросилъ меня, почему я государю не сообщилъ обо всемъ, что зналъ; что по отношеніямъ моимъ къ нему сообщеніе это не было бы доносомъ, а только доказательствомъ моей къ нему преданности. На это я отвѣчалъ, что мнѣ и на мысль не приходила возможность доноса и что этого я не нашелъ въ правилахъ, которыми руководился. „Поэтому въ вашихъ правилахъ нѣтъ правилъ чести“, сказалъ тогда Левашовъ. „Я понимаю честь такого рода, котораго, кажется, в. п. не понимаете“, отвѣчалъ я. Тогда всѣ члены, сидѣвшіе за столомъ, встали, и Бенкендорфъ сказалъ: „Вы не должны забывать, что говорите въ присутствіи лицъ облеченныхъ властію отъ государя и что за выраженія ваши можете пострадать“. — „А я прошу облеченныхъ властію отъ государя не забывать, что я гвардіи капитанъ, что невеликодушно меня обижать словами, когда я лишенъ оружія для защиты своей чести“. Всѣ присутствующіе опять сѣли, и графъ Татищевъ сказалъ: „Вы получите вопросные пункты, на которые должны отвѣчать ничего не скрывая; отъ болѣе или менѣе добросовѣстныхъ отвѣтовъ вашихъ будетъ зависеть участь ваша“. Опять мнѣ завязали глаза и опять прежнимъ маневромъ отвели въ казематъ.

Въ первомъ часу ночи я заснулъ сномъ праведнаго, послѣ длинной прогулки по коридорамъ и дворамъ. До этого я лишенъ былъ сна: гемороидальныя шишки не позволяли мнѣ сидѣть, и я невыносимо страдалъ; страданія всякій день усиливались отъ недостатка движенія. Ходилъ ко мнѣ докторъ Ельканъ, давалъ мнѣ принимать какіе-то порошки и спермачетовыя свѣчи для наружнаго употребленія; по его предписанію водили меня по нѣскольку разъ въ недѣлю въ баню. Государь посылалъ своихъ генераль-адъютантовъ къ намъ и освѣдомлялся черезъ нихъ о томъ, довольны ли мы содержаніемъ и обхожденіемъ съ нами; первый Мартыновъ насъ посѣтилъ, потомъ Стрекаловъ, а послѣдній Сазоновъ. Стрекаловъ мнѣ говорилъ, что никогда не думалъ со мною встрѣтиться въ крѣпости. „Отчего же, в. п.? Встрѣчались же

мы во дворцѣ, крѣпость такое же казенное мѣсто“. У меня были нѣкоторыя книги, и я въ крѣпости не скучалъ; книги, присланныя мнѣ на гауптвахту съ царскаго разрѣшенія, перешли со мною въ казематъ, а сестры официальнымъ путемъ прислали мнѣ Библію и Евангеліе. Я вспоминалъ всѣ аріи когда-то мною слышанныя и всегда находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

На присланные изъ комиссіи вопросы въ Декабрѣ, въ концѣ, я отвѣчалъ подробною исповѣдью на одномъ листѣ. Въ Январѣ меня опять водили къ допросу и посадили за ширмы въ залѣ комендантской; сидя за ширмами, я узналъ по портрету вошедшаго въ залу Зубкова, Василія Петровича, такъ же какъ и я приведеннаго изъ каземата, но къ моему удивленію за ширму не спрятаннаго, а въ ожиданіи Сукина просто расположившагося въ залѣ. Вошедшій комендантъ поздравилъ Зубкова съ освобожденіемъ и предложилъ ему остаться ночевать въ крѣпости. „Нѣтъ, покорно васъ благодарю, лучше буду ночевать въ снѣгу на Невѣ, чѣмъ у васъ въ крѣпости“, отвѣчалъ Зубковъ и послѣ обычныхъ привѣтствій простился съ Сукинымъ. Это обстоятельство тутъ же родило во мнѣ мысль, что, можетъ быть, и меня хотятъ освободить, и сердце затрепетало отъ ожидаемой радости; но нѣтъ, мнѣ не суждено было выйти такъ скоро изъ крѣпости на свободу. Скоро плацъ-адъютантъ опять завязалъ мнѣ глаза и повелъ меня по комнатамъ и когда развязалъ мнѣ ихъ, то я увидѣлъ противъ себя великаго князя Михаила Павловича въ кабинетѣ Сукина. Великій князь очень ласково и привѣтливо обошелся со мною, что меня очень удивило, потому что, когда встрѣчался съ нимъ въ служебныхъ столкновеніяхъ, онъ всегда былъ мнѣ какъ бы враждебенъ и всегда находилъ что нибудь критиковать въ командуемомъ мною эскадронѣ, видя во мнѣ соперника кѣно-гвардейской артиллеріи. Тутъ онъ спросилъ о моемъ здоровьѣ, извиняясь, что такъ поздно потревожилъ меня, на что я ему отвѣчалъ, что желалъ бы ежедневной такой тревоги, которая доставляетъ мнѣ счастье бесѣдовать съ нимъ. Онъ мнѣ показалъ свернутую записку и спросилъ, когда и въ какихъ обстоятельствахъ я ее писалъ. Это было письмо, писанное мною 12 Декабря къ Назимову, бывшему тогда въ отпуску въ Псковѣ. Онъ поручилъ мнѣ продажу его лошадей и уплату долга вырученными деньгами отъ продажи ихъ. Срокъ отпуску его кончался, лошади не продавались, и я, ожидая ежедневно его возвращенія, въ виду его непріѣзда, на всякій случай написалъ ему нѣсколько словъ: „Любезный Назимовъ, пріѣзжай скорѣе, дѣла твои требуютъ скорого твоего возвращенія...“. Эти точки возбудили подозрѣніе государя, который поручилъ великому князю потребовать отъ меня ихъ смыслъ. Я сообщилъ великому князю вышеписанное и сожалѣлъ очень,

что въ теперешнихъ обстоятельствахъ совершенно невинно поставленные точки могутъ навлечь на меня новое подозрѣніе, а что еще хуже, скомпрометировать Назимова, который, какъ я тогда завѣрялъ великаго князя, навѣрно къ обществу не принадлежитъ. „Пущинъ, я вамъ вѣрю, сказалъ великій князь; очень буду радъ, когда вы окончательно докажете свою невинность“. Я просилъ великаго князя ходатайствовать за меня у государя. „Государь самъ лучшій ходатай за васъ, въ этомъ могу васъ завѣрить“, сказалъ великій князь и при прощаніи пожелалъ мнѣ добраго здоровья. Это неожиданное свиданіе опять возродило во мнѣ надежду на скорое освобожденіе. Въ Февралѣ привезли С. И. Кривцова и посадили въ камеру противъ моей; мы тотчасъ же начали перепѣваться, т. е. разговаривать по французски. Черезъ нѣсколько дней, въ одинъ вечеръ, его повели къ допросу; онъ возвратился восхищенный обращеніемъ съ нимъ великаго князя, обѣщавъ ничего передъ комиссіей не скрывать и назвать всѣхъ, кого въ разное время принялъ въ общество. Когда я хотѣлъ узнать, кого онъ принялъ, онъ назвалъ между многими и князя Суворова. Суворова я просилъ его не называть, потому что онъ еще въ Декабрѣ былъ призываемъ государемъ, прощенъ и произведенъ въ корнеты. Что онъ его не назвалъ, это ясно, потому что тогда онъ былъ бы привезенъ изъ Тульской деревни еще въ Январѣ мѣсяцѣ. Долго боролся Кривцовъ со своею совѣстью, наконецъ сказалъ, что послушаетъ моего совѣта, не назоветъ Суворова. Въ послѣдствіи Суворовъ мнѣ сказалъ, что показаніе Кривцова могло бы его погубить.

Четыре мѣсяца въ конуркѣ, не смотря на частыя бани, довели меня до того, что въ послѣднихъ недѣляхъ Великаго поста со мной сдѣлался геморoidalный припадокъ, лишившій меня чувствъ. Испуганный часовой тотчасъ далъ знать о моей кончинѣ. Всѣ власти пришли подбирать мертвое тѣло; вмѣсто того я встрѣтилъ заботливыхъ посѣтителей съ веселымъ лицомъ, но при этомъ сказалъ Сукину, что если меня оставить въ моемъ ящикѣ, то конечно для того, чтобы скорѣе Богу душу отдать. Въ Субботу на Страстной недѣлѣ пришелъ ко мнѣ протоіерей Казанскаго собора Мысловскій; послѣ исповѣди и причастія, принятаго отъ него, онъ поздравилъ меня съ свободою духовною и сказалъ, что завтра надѣется меня поздравить со скорой свободой гражданской. Слова эти мнѣ дали силу съ терпѣніемъ ожидать Христова Воскресенія. Въ самый день праздника приходилъ Мартыновъ поздравлять насъ съ праздникомъ отъ имени государя. На другой день въ необычное время зашелъ ко мнѣ плацъ-маіоръ и велѣлъ одѣться, что еще болѣе породило во мнѣ розовыхъ надеждъ; я готовъ былъ броситься Подушкину на шею: такая была увѣренность, что получаю

наконецъ свободу, на дарованіе которой государь избралъ праздникъ Христова Воскресенія. Какая милая внимательность, подумалъ я тогда; но оказалось, что на донесеніе о моихъ геморoidalныхъ припадкахъ послѣдовало высочайшее повелѣніе перемѣстить меня въ просторный казематъ и дозволить мнѣ ежедневныя прогулки по крѣпостному валу въ сопровожденіи плацъ-адъютанта. Меня перемѣстили къ Петровскимъ воротамъ; окошко, смотрѣть изъ котораго я долженъ былъ подмациваться, выходило къ Петровскимъ воротамъ. Всегда, какъ слышенъ былъ стукъ по мостовой, я взбирался посмотрѣть на проѣзжающаго и нѣсколько дней послѣ моего перемѣщенія имѣлъ удовольствіе встрѣтиться глазами съ Николаемъ Павловичемъ, который очень пристально смотрѣлъ на меня и любовался своимъ плѣнникомъ. У Петровскихъ воротъ вмѣстѣ со мною въ моемъ сосѣдствѣ сидѣли Михаилъ Орловъ и Семичевъ. Съ Семичевымъ у насъ скоро завязался пѣвучій разговоръ, и я узналъ, что онъ гусарскій маіоръ, замѣшенъ въ движеніи Сергѣя Муравьева около Бѣлой Церкви. Съ Орловымъ же никакихъ переговоровъ я не велъ: его отдѣляла отъ насъ каменная стѣна, но однажды видѣлъ изъ окна, какъ братъ его Алексѣй Ѳедоровичъ, ѣхавши въ крѣпость, дѣлалъ ему знаки, говорившіе, что онъ освобождается.

Послѣ мѣсячнаго моего пребыванія въ новомъ просторномъ казематѣ (дворцѣ въ сравненіи съ прежнимъ) въ Маѣ отряжена комиссія отъ верховнаго уголовнаго суда, и насъ поодиночкѣ водили въ эту комиссію, расположившуюся въ домѣ коменданта. Мнѣ показали единственную бумагу, писанную мною въ слѣдственную комиссію съ отвѣтами на запросы комиссіи, и тутъ же приложено было письмо мое къ государю, написанное по совѣту Сазонова; но къ этимъ двумъ листамъ была пришта довольно толстая тетрадь посторонняго письма. На спросъ, признаю ли я эти бумаги за свои, я отвѣчалъ, да, но только двѣ мною писанныя, и просилъ позволенія прочесть пришитое къ моимъ бумагамъ прибавленіе; мнѣ отвѣчали, что это для меня не нужно и отослали обратно въ казематъ. Передъ пріѣздомъ комиссіи за нѣсколько дней навѣстилъ насъ Сазоновъ, очень удивился найти меня веселымъ и здоровымъ, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица и противъ прежняго вообще потолстѣвшаго, по причинѣ прекращенія кровотеченія и всѣхъ давно одержавшихъ меня недуговъ. Я выразилъ ему надежду свою на скорое освобожденіе и вѣроятный переводъ въ армію. Сазоновъ всегда меня очень любилъ и доказывалъ это при всякомъ случаѣ и тутъ, видѣвши меня веселымъ и совершенно покойнымъ, какъ ребенокъ расплакался и совѣтовалъ мнѣ приготовиться ко всему худшему, чтобы, когда это случится, быть приготовлену къ перенесенію своего несчастія съ мужествомъ. Слезы Сазонова меня растрогали; мы долго плакали вмѣстѣ и

не могли ни слова сказать другъ другу. Наконецъ Сазоновъ передалъ мнѣ, какъ государь, отправляя его къ намъ, сказалъ: „Ты Пущина увидишь веселаго, довольнаго тѣмъ, что сидитъ въ крѣпости и готоваго совѣтовать всякому больному его болѣзнью не искать иного способа леченія, а стараться такъ накутить, чтобы посадили въ крѣпость и тамъ пользоваться тамошними Русскими банями“. Эти шуточные слова мои П. М. Подушкину переданы комендантомъ государю вѣроятно тоже какъ шутка. Сазоновъ совѣтовалъ написать государю не оправданія свои, а просить его милости, такъ какъ онъ видѣлъ, что государь не можетъ забыть, какъ онъ любилъ меня. Посланное тогда же письмо мое и было впоследствии пришито къ моему дѣлу; написалъ же я его *racquit de conscience**), зная навѣрное, что не поведетъ ни къ чему. Посѣщеніе это Сазонова была послѣдняя къ намъ любезность Николая Павловича.

III.

Въ Іюнѣ пріѣхалъ въ крѣпость верховный судъ, составленный изъ 70 членовъ подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи князя Лобанова. Насъ съ непонятными тогда для насъ раздѣленіями за конвоемъ водили въ этотъ Шемякинъ судъ. Передъ комнатою, гдѣ засѣдалъ судъ, насъ, нѣсколько человекъ, ожидало (какъ послѣ мнѣ объяснилось) три категоріи: 9-я, 10-я и 11-я. Сперва вызвали къ суду 3-хъ человекъ 9-й категоріи, которые къ намъ въ комнату не возвращались; потомъ вызвали меня одного. Судъ засѣдалъ за столами, расположенными покоемъ; подсудимыхъ останавливали въ открытомъ фасѣ этого покоя. Судьи наши (суда намъ не объявляли, мы только по обстановкѣ догадывались, что насъ судятъ) занимали одну сторону стола, такъ что входящій подсудимый могъ видѣть въ лицо всѣхъ судей, почему-то судившихъ насъ заочно. Когда я вошелъ и остановился на показанномъ мнѣ мѣстѣ, Паскевичъ, тогда командиръ 1-го пѣхотнаго корпуса, бывшій въ числѣ судей и сидѣвшій недалеко отъ предсѣдателя, всталъ и мнѣ поклонился. Я отвѣчалъ ему поклономъ, хотя тогда не понималъ особенной съ его стороны ко мнѣ любезности (разъясненной мнѣ Паскевичемъ, когда я являлся къ нему солдатомъ на Кавказѣ). Послѣ того какъ Паскевичъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ, князь Лобановъ, стоя, прочелъ мнѣ слѣдующую сентенцію: „гвардіи капитанъ Пущинъ, за то, что зналъ о имѣющемъ быть мятежѣ и не донесъ, лишается чиновъ, дворянскаго достоинства и записывается въ рядовые до выслуги“. Послѣ этого чте-

*) Чтобы не дѣлать упрека совѣсти.

нія была минута мертвой тишины, нарушенная моимъ движеніемъ въ середину покоя засѣдавшихъ членовъ. Князь Лобановъ въ какомъ-то испугѣ сказалъ: „Куда вы идете? Вамъ нужно выдти въ дверь на право“. „Я полагалъ, что мнѣ нужно расписаться на приговорѣ“, отвѣчалъ я и вышелъ въ правую дверь, гдѣ меня ожидали конвойные для сопровожденія въ казематъ. Странное дѣло: не солдатство мое меня тогда занимало, а то, что возвращаюсь въ заточеніе, изъ котораго полагалъ, что солдатство меня освободитъ.

Первый визитъ мнѣ, солдату, былъ визитъ добраго сторожа моего инвалида Семена, который съ любопытствомъ пришелъ узнать, чѣмъ рѣшилась моя участь, но когда я ему сказалъ, что я его товарищъ, что я солдатъ, тогда онъ со слезами бросился цѣловать мои ноги и понять никакъ не могъ своимъ умомъ, какъ я буду солдатское платье носить. Трогательная сцена эта долго оставалась у меня въ памяти.

Того же дня вечеромъ меня перевели въ кронверкскую куртину, лишили попечительныхъ услугъ сторожа Семена и просторнаго каземата, гдѣ черезъ посредство Семена писалъ и получалъ я письма отъ сестеръ. Въ тотъ вечеръ намъ всѣмъ семидесяти, или сколько не помню, осужденнымъ перемѣнили казематы, неизвѣстно по какому соображенію. Въ ту же ночь послѣ 12 часовъ насъ всѣхъ собрали на крѣпостномъ дворѣ противъ собора Петропавловскаго; тутъ мы первый разъ другъ друга увидѣли. Тогда я отъ брата узналъ, что онъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а что теперь его противъ меня посадили на кронверкскую куртину. Чья эта любезность? Крѣпостнаго начальства или свыше? Полагать надо, что свыше; потому что въ дѣйствіяхъ Николая Павловича была какая-то деликатность чувствъ перемѣшанная со звѣрствомъ. На нашемъ сборищѣ недоставало пятерыхъ, и мы поняли, что ихъ участь будетъ не та, что наша. Можно себѣ представить, какъ радостно было наше общее свиданіе: всѣ въ этотъ часъ какъ бы забыли свое неотрадное положеніе и наслаждались встрѣчею съ друзьями. Трубецкой извинялся предо мною въ томъ, что назвалъ меня государю, думая найти для себя въ этомъ нѣкоторое оправданіе. „Полно, князь, стоитъ ли объ этомъ говорить, когда у всѣхъ насъ одна только радость на умѣ? И всѣ мы какъ будто бы не выстрадались?“ замѣтилъ я ему. Насъ окружалъ конвой Павловскаго гвардейскаго полка, и Абрамовъ, нашъ товарищъ заточенія, снявъ съ себя эполеты полковничьи, просилъ одного солдата передать ихъ на память брату, служившему въ полку, тогда отсутствующему. Солдатъ взялъ эполеты и заложилъ ихъ на груди своей между ремнями перевязей. Часа два или болѣе продолжались наши свободные разговоры. Бенкендорфъ слѣдилъ за нами, но предоставилъ намъ совершенную свободу на крѣпостномъ дворѣ; изъ

выраженія его лица видно было его къ намъ состраданіе. Начинало разсвѣтать, было около трехъ часовъ утра; насъ попросили собраться по гвардейскимъ дивизіямъ, а разночинцамъ и армейскимъ вмѣстѣ. Въ такомъ порядкѣ повели насъ на кронверкскій гласисъ, гдѣ нынѣ устроенъ Александринскій паркъ. Тамъ были выстроены войска, оставшіяся въ Петербургѣ послѣ выхода другихъ въ Москву на имѣвшуюся быть коронацію, остановили насъ противъ своихъ дивизій. Я вмѣстѣ съ служившими въ 1-й гвардейской дивизіи остановленъ былъ противъ этой дивизіи, гдѣ начальствовалъ генераль Головинъ (онъ же былъ исполнителемъ экзекуціи); подлѣ него стояли два фурлейта и въ кучкѣ лежали какія-то шпаги, вѣроятно театральныя. Головинъ велѣлъ намъ повернуться и указалъ намъ на пять приготовленныхъ висѣлицъ, послѣ чего вызывалъ впередъ каждаго изъ насъ по старшинству полковъ въ дивизіи, приказывалъ фурлейтамъ снимать съ насъ мундиры, которые бросали въ разведенный костеръ огня, потомъ становилъ на колѣни, и надъ головою колѣнопреклоненнаго фурлейты ломали шпагу. Для каждой партіи приготовлено было шпагъ по числу приговоренныхъ къ лишенію правъ состоянія. Въ нашей партіи послѣдняя шпага была сломана надъ головою Назимова. Оставались я и нѣсколько чело­вѣкъ 11-й категоріи, разжалованныхъ до выслуги, надъ которыми не слѣдовало ломать шпаги (ихъ по этому случаю и не было для насъ приготовлено); но Головинъ, вызвавъ меня, приказалъ снять съ меня мундиръ и стать на колѣни. Прежде чѣмъ исполнить его приказаніе, я сказалъ ему, что не слѣдуетъ ломать мою шпагу, которую я могу заслужить. Несмотря на это, Головинъ закричалъ фурлейтамъ, чтобы стащили съ меня мундиръ; конечно я до этого ихъ не допустилъ, самъ снялъ мундиръ и бросилъ его по направленію къ Головину, которому тогда сказалъ, что онъ такой подлець, которому нѣтъ подобнаго, что помню угрозу его мнѣ отомстить, но что мщеніе его въ настоящемъ случаѣ мнѣ ни по чемъ, потому что терплю ни болѣе, ни менѣе того, что терпятъ мои товарищи, но что послѣ этого на него какъ на изверга будутъ показывать пальцемъ. Онъ угрожалъ мнѣ велѣть зажать ротъ, а когда я опустился на колѣни, не оказалось на лицо шпаги для экзекуціи надо мною. Головинъ послалъ за шпагою полицмейстера Чихачева къ ближайшей партіи, оттуда принесли двѣ шпаги, а я въ ожиданіи своей казни все время долженъ былъ стоять на колѣняхъ. Головинъ велѣлъ принесенныя шпаги сломать надъ моей головой одну послѣ другой; ихъ ломали такъ звѣреки, что у меня изъ головы пошла кровь. По совершеніи казни для всѣхъ приготовлены были лазаретныя халаты, но мнѣ халата не достало, и я въ одной рубашкѣ возвращался въ крѣпость мимо войскъ на гласисъ расположен-

ныхъ. Проходя мимо армейскаго конно-піонернаго эскадрона, командиръ эскадрона Денисовъ отсалютовалъ оципанному и уязвленному своему бывшему начальнику. Салютъ этотъ тѣмъ болѣе мнѣ былъ пріятенъ, что исходилъ отъ человѣка не получившаго образованія и поступившаго фурштатскимъ офицеромъ въ эскадронъ изъ вахмистровъ кавалергардскаго полка. Отъ насъ онъ получилъ столько образованія, что впоследствии могъ быть переведенъ въ армейскій конно-піонерный эскадронъ, въ которомъ командовалъ до назначенія его полковымъ командиромъ орденскаго кирасирскаго полка, уже когда я былъ на Кавказѣ.

Послѣ объявленной намъ сентенціи и исполненной экзекуціи, дозволено было роднымъ нашимъ пріѣзжать для свиданія въ домъ коменданта. Ко мнѣ пріѣзжали отецъ, сестры и братья. Я просилъ прислать мнѣ солдатскую шинель, мнѣ ее тотчасъ прислали; а въ ночь пришли за мною, чтобы отправляться съ фельдъегеремъ въ дальній, мнѣ неизвѣстный, путь. Проходя мимо казематовъ брата Ивана, по вниманію къ намъ сторожа, я могъ въ отворенной двери его каземата съ нимъ проститься. Скоро удовольствіе дышать на свободѣ свѣжимъ воздухомъ взяло верхъ надъ всѣми невзгодами моего положенія. Въ домѣ коменданта ожидали меня фельдъегерь Григорьевъ съ жандармомъ и гвардейскаго экипажа лейтен. Окуловъ (тоже солдатъ), отправлявшійся со мною. Сукинъ вручилъ фельдъегерю 100 р. ас., оставленные для меня отцемъ, вмѣстѣ съ инструкціею, пожелалъ намъ счастливаго пути и, много не разговаривая, откланялся. У крыльца ожидали насъ двѣ перекладныя тройки; на одну сѣлъ Окуловъ съ жандармомъ, на другую я съ фельдъегеремъ, и мы по выѣздѣ изъ Шлиссельбургской заставы уже на разсвѣтѣ помчались въ неизвѣстную намъ сторону. Фельдъегерь не отвѣчалъ на мой вопросъ, куда ѣдемъ. На первой станціи, въ Пеллѣ, я нашелъ Александра Муравьева, ѣхавшаго на жительство въ Иркутскъ; семейство его провожало вмѣстѣ съ Ник. Александр. Мухановымъ; я съ ними тутъ пилъ чай и рассказалъ имъ, что ѣду, не зная куда, безъ гроша денегъ, потому что сто рублей, которые позволено было отцу для меня оставить у Сукина и мнѣ взять съ собою, я тотчасъ по выѣздѣ отдалъ фельдъегерю на свое продовольствіе въ дорогѣ и чтобы купить себѣ нѣкоторый покой, потому что фельдъегерь увѣрилъ меня, что имѣетъ строгое приказаніе военнаго министра нигдѣ до мѣста назначенія не останавливаться. У Муханова нашлось 300 рублей, которые онъ мнѣ очень любезно предложилъ, и я просилъ его получить ихъ отъ моего отца. Въ Шлиссельбургѣ мы пріѣхали къ обѣду и остановились у почтмейстера, какъ узналъ я потомъ, по просьбѣ Кошкуля, мужа моей кухни Александры Павловны, который хотѣлъ дать мнѣ возможность проститься съ нею. Фельдъегерь согласился пойти

со мною на квартиру Кошкуля, пришедшаго его о томъ просить. Александра Павловна накормила насъ обѣдомъ. Я просилъ Кошкуля дать мнѣ 500 рублей; онъ мнѣ не совѣтовалъ имѣть много денегъ съ собою, потому, говорилъ, что вѣроятно меня будутъ осматривать и могутъ деньги отобрать, далъ мнѣ двѣ бумажки въ сто рублей. Такимъ образомъ невѣдомо отъ Григорьева я собралъ уже на житье въ ссылкѣ 500 рублей, съ которыми надѣялся прожить въ своей Сибири или тамъ куда меня везутъ. Въ Пеллѣ (сказалъ фельдъегеръ, или Мухановъ по своимъ соображеніямъ это придумалъ) Муравьевъ мнѣ сказалъ, что насъ везутъ на Оренбургскую линію. Мнѣ странно показалось, почему же насъ везутъ по Шлиссельбургской дорогѣ; тогда мнѣ сказали, что вѣроятно для того, чтобы объѣхать Москву, гдѣ теперь собранъ дворъ въ ожиданіи коронаціи. Въ Петербургѣ въ послѣдней запискѣ отъ сестеръ меня извѣщали, что я назначенъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ: такое было извѣстіе, полученное ими изъ Инспекторскаго Департамента. Всѣ эти извѣстія сбивали меня съ толку, и я не зналъ, на чемъ остановить свои предположенія до случая, который открылъ мнѣ хранимую фельдъегеремъ тайну.

Ѣхалъ я очень въ веселомъ расположеніи духа, къ перекладной привыкъ, погода была чудная. Въ Рыбинскѣ у тетки Окулова, старушки Румянцовой, мы остановились ночевать. Старушка приласкала насъ какъ родная мать и снабдила всякимъ продовольствіемъ въ дорогу. Въ Рыбинскѣ открылся намъ секретъ, куда насъ везутъ. Григорьевъ, какъ Русскій человѣкъ, напился до безобразія на привольной стоянкѣ у старушки Румянцовой; у него спящаго мы осмотрѣли сумку и нашли тамъ инструкцію военнаго министра, въ которой было сказано, что Окулова онъ долженъ оставить въ Томскѣ, а меня отвезти въ Красноярскъ; приказывалось ему вѣжливо съ нами обходиться, тамъ по дорогѣ останавливаться, гдѣ мы пожелаемъ, отдыхать; срока прибытія на мѣсто не назначалось. Узнавъ эту инструкцію, мы уже безцеремоннѣе обращались съ Григорьевымъ, заставляли его дѣлать то, что захотѣли и уже ѣхали со всевозможными разстановками. Поэтому очень скоро насъ нагналъ фельдъегеръ Сѣдовъ, который сопровождалъ Краснокутскаго и Чижова, а около Екатеринбурга присоединился къ намъ другой фельдъегеръ съ братьями Веденяпинными, а по Сибири мы уже ѣхали въ большой и, можно сказать, довольно веселой компаніи. Въ Перми городничій Дамичъ просилъ насъ захватить къ нему; я не согласился, боясь отвѣтственности его, но далъ честное слово на обратномъ пути непременно у него побывать. Въ Екатеринбургѣ пригласилъ насъ почтмейстеръ къ себѣ на чай; замѣтивъ, что одна дверь боковая безпрестанно растворялась и выглядывали оттуда женскія головы, я пред-

ложилъ растворить двери совсѣмъ, чтобы и намъ можно было любоваться тѣми милыми дамами, которыя съ такимъ любопытствомъ насъ выглядываютъ. Предложеніе принято, растворены обѣ половинки двери, и множество дамъ Екатеринбургскаго общества, все болѣе молодья и хорошенькія, стояли передъ нами. Одна изъ нихъ, пожилая женщина, начала по французски насъ бранить: задумали вы безумную вещь, сказала она, слава Богу, что ссылаютъ васъ въ Сибирь и Россію тѣмъ отъ заразы избавляютъ, которая причинила бы ей бѣдствія невозможныя.... Я отвѣчалъ ей по французски же, какъ женщинѣ образованной, что невеликодушно насъ, уже наказанныхъ за свое заблужденіе, еще преслѣдовать въ присутствіи милаго общества, лишенные котораго такъ давно мы думали хоть нѣсколько минутъ пользоваться его наслажденіемъ; сказалъ, что для меня это тѣмъ болѣе непріятно, что я всегда былъ другомъ ея сына, что могу даже похвастать своею заслугою передъ нею, потому что, бывъ избранъ въ секунданты ея сыномъ, успѣлъ примирить противниковъ и тѣмъ, можетъ быть, сохранилъ ей сына. „Ахъ, вы Пущинъ, пріятель сына моего; извините пожалуйста, я кругомъ виновата передъ вами и вашими товарищами. Но позвольте мнѣ загладить вину свою и просить васъ остановиться въ моемъ домѣ, отдохнуть отъ сдѣланнаго вами путешествія и набраться силъ на предстоящую еще длинную дорогу“. — „Этого никакимъ образомъ нельзя, потому что фельдъегеря могутъ строго за это отвѣчать, да и васъ самихъ могутъ потребовать къ отвѣту и не уважить благородныхъ увлеченій вашего сердца“. — „Скажите мнѣ, какъ вы узнали, кто я?“ „По сходству съ вами сына вашего узналъ васъ; извините, пожалуйста, что при первомъ нашемъ знакомствѣ отвѣчаю невѣжливимъ отказомъ на любезное ваше приглашеніе, но тутъ же даю вамъ обѣщаніе черезъ четыре мѣсяца широко воспользоваться вашею любезностью“. — „Какъ, вы только на четыре мѣсяца ѣдете въ Сибирь?“ — „Не знаю; это срокъ, который я самъ себѣ назначилъ, потому что представить себѣ не могу, чтобы меня надолго ссылали въ Сибирь; вѣроятно меня туда везутъ, чтобы провѣтрить, и я уже въ выигрышѣ тѣмъ, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться“. Такимъ образомъ уже разговоръ нашъ продолжался въ дружескомъ настроеніи, и мы разстались друзьями. На прощаніе я повторилъ обѣщаніе быть у нея непременно черезъ четыре мѣсяца и тогда погостить у нея недѣлку или болѣе, пока она сама меня не вышлетъ отъ себя. Это случилось 18 Августа, и отъ Екатеринбурга до Иртыша мы, можно сказать, не ѣхали, а летѣли. Фельдъегерь, привыкшій по Россіи не платить прогоновъ, но еще съ ямщиковъ брать себѣ на водку полтинники, иногда болѣе, чтобы не загнать лошадей, теперь долженъ упла-

чивать прогоны всѣ сполна и еще просить, чтобы ямщикъ сдерживалъ лошадей, боясь себѣ и мнѣ шею сломать.

Переѣхавши Иртышъ, на самомъ берегу рѣки, на высотѣ расположенъ городъ Каинскъ. Съ паромомъ прибылъ къ намъ городской съ приказаніемъ городничаго фельдъегерямъ, чтобы вести преступниковъ къ нему въ домъ. Лошадей на берегу не было заготовлено, и приказаніе городничаго было передано такъ положительно, что фельдъегеря и не подумали ему сопротивляться. Подойдя къ дому городничаго, мы увидали фигуру его коллосальную, вышедшую насъ встрѣтить. Онъ закричалъ намъ: „Я васъ здѣсь по своему проучу, отъучу васъ бунтовать!“ Вотъ попались въ западню, подумали мы: сумасшедшій городничій можетъ позволить себѣ всякія пакости надъ нами. Когда мы вошли къ нему во дворъ, городничій Степановъ отослалъ жандармовъ въ какую-то команду, ворота своего дома приказалъ запереть на замокъ и, обратившись къ намъ, сказалъ: „Милости прошу, господа, на верхъ, вы теперь мои дорогіе гости, и я васъ не выпущу отъ себя пока не отдохнете хорошенько; вы много проѣхали, и вамъ еще предстоитъ много времени быть въ дорогѣ, баня у меня вытоплена для васъ, и вы вѣроятно не прочь хорошенько попариться. Вы же, гг. фельдъегеря, если обѣщаете быть намъ хорошими товарищами, а не сторожами, то я радъ буду имѣть васъ въ нашей компаніи; если же нѣтъ, то могу вамъ отвести квартиру на все время пока будутъ гостить у меня дорогіе мои гости“. Фельдъегеря такъ опѣшили отъ этого оригинальнаго приглашенія, что охотно согласились быть въ распоряженіи господина городничаго. „Жалѣть не будете“, сказалъ Степановъ. Тотчасъ же подали великолѣпную закуску, какъ нельзя кстати для насъ голодныхъ и отъ дороги изнуренныхъ. Степановъ заботился о томъ, чтобы какъ можно скорѣе напоить фельдъегерей, на что употребилъ расхваленный имъ какой-то травникъ. До своей цѣли онъ очень скоро достигъ: пьяные фельдъегеря принялись плясать въ присядку, потомъ скоро улеглись, гдѣ кто нашелъ удобнымъ, и заснули сномъ непробуднымъ. „Теперь, дорогіе мои господа, мы съ вами можемъ быть на распашку, аргусы ваши спятъ и вѣроятно уставшіе съ дороги и хорошо выпивши не скоро очнутся. Васъ я здѣсь продержу сколько можно долѣе, чтобы вы хорошенько отдохнули; вамъ ѣхать еще много, отдохнете у меня денька три, напишите письма роднымъ и друзьямъ, а я все сдѣлаю, чтобы вы у меня не соскучились. Скажите, не нуждается ли кто изъ васъ въ чемъ бы то ни было, въ деньгахъ, бѣльѣ, книгахъ? У меня все къ услугамъ вашимъ“. Съ благодарностью приняли мы приглашеніе Степанова и на три дня забыли, что мы узники, нашли радужнаго хозяина, который угощалъ насъ какъ самыхъ почетныхъ гостей.

Баня смыла съ насъ грязь и пыль, позволила забыть усталость нашу и приготовила на дальнѣйшее путешествіе по Сибири.

Этотъ почтенный и простой человѣкъ показалъ намъ и передъ нами и сзади насъ ѣхавшимъ товарищамъ нашимъ столько сердечнаго участія и состраданія къ нашей горькой участи, что память о Степановѣ навсегда сохранилась у всѣхъ воспользовавшихся его радушнымъ гостепріимствомъ.

Первый разъ по выѣздѣ изъ Петербурга совершенно отдохнули отъ дороги и напутствуемые благословеніемъ Степанова, послѣ трехдневной привольной у него жизни, помчались мы по Барабинской степи къ мѣсту своего назначенія. Въ день Успенія Пресвятой Богородицы, 15 Августа, на станціи въ одномъ большомъ селеніи мы спросили, нѣтъ ли чего поѣсть? У смотрителя не было ничего, но тутъ случился крестьянинъ, который пригласилъ насъ въ избу свою насупротивъ станціи и предложилъ намъ, что Богъ послалъ. Мы рады были съѣсть хоть кусокъ хлѣба и пошли къ пригласившему, не ожидая найти у него довольно пищи на 9 человѣкъ. Хозяинъ попросилъ насъ съѣсть въ своей чистой и опрятной избѣ не на лавку, какъ обыкновенно въ избѣ, а на очень хорошіе соломенные стулья. Хозяйка тотчасъ накрыла столъ хотя не тонкою, но очень опрятною, чистою скатертью, поставила 9 приборовъ съ серебряными ложками и фаянсовыми тарелками, принесла большую миску щей съ говядиной, которыя намъ показались необыкновенно вкусными, подала потомъ рыбное блюдо такое, какого не встрѣтишь на самомъ роскошномъ обѣдѣ Петербургскомъ и въ заключеніе обѣда жареные рябчики. На столъ поставлены были двѣ бутылки бѣлаго Vin de Graves и краснаго Médoc. Насъ поразило такое довольство у крестьянина. Намъ хозяева объяснили, что ничего не стоитъ все, что земля производитъ, что они живутъ въ довольствѣ, но что деньги трудно добываются. Я, какъ самый денежный изъ собесѣдниковъ, предложилъ хозяину 15 руб. ассигн. за вкусный и сытный его обѣдъ; но къ моему крайнему удивленію хозяинъ обидѣлся и сказалъ, что развѣ мы не христіане, чтобы деньги брать съ несчастныхъ (такъ въ Сибири называютъ всѣхъ туда ссылаемыхъ); нѣтъ, батюшка, прошу васъ только не прогнѣваться, чѣмъ Богъ послалъ, тѣмъ и рады васъ угостить; вотъ Пресвятая Богородица по Своей неизреченной милости послала намъ сегодня дорогихъ гостей, Она намъ и заплатитъ за васъ. Утѣшительно было встрѣтить въ простомъ крестьянинѣ такое безкорыстіе и такое чувство религіозное. Тогда какъ онъ отказывался брать съ меня деньги, я полагалъ, что, можетъ быть, мало ему предложилъ за насыщеніе насъ девятерыхъ съ тремя жандармами, но впоследствии, ѣхавши далѣе по Сибири и останавливаясь въ большихъ

селеніяхъ, я любовался постройками, чистотою и опрятностью, довольствомъ, въ которомъ жилъ народъ по дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ, тогда какъ примѣръ сострадательнаго къ несчастью ближняго, вездѣ готоваго на помощь, угостившаго насъ крестьянина не оставался единственнымъ.

Дней черезъ пять послѣ обѣда у крестьянина, оставивши Окулова по дорогѣ въ Томскѣ, я во второмъ часу ночи 20 Августа пріѣхалъ въ Красноярскъ прямо на квартиру батальоннаго командира. Еще дорогою я составилъ себѣ въ воображеніи портретъ моего будущаго начальника: должно быть маіоръ, выслужившійся изъ сдаточныхъ или солдатскихъ дѣтей, прибряшистый и грубый въ обращеніи со всѣми и тѣмъ болѣе со мною. Готовился вести себя такъ, чтобы онъ никогда ни въ чемъ мнѣ не сдѣлалъ замѣчанія; по фрунтовой части я ничего не боялся, потому что отлично зналъ весь артикулъ и, уча солдатъ, самъ превосходно дѣлалъ всѣ ружейные приемы. Въ залѣ у батальоннаго командира, дожидаясь его появленія, при одной тускло горѣвшей свѣчѣ, въ присутствіи соннаго Григорьева, вся эта картина снова рисовалась въ моемъ воображеніи. Наконецъ изъ боковой двери вышелъ молодой человекъ въ халатѣ, робко поздоровался со мною, застѣнчиво и несмѣло справлялся о томъ, давно ли я выѣхалъ изъ Петербурга. Съ нимъ такимъ образомъ отрывками ведя разговоры, я между тѣмъ думаю: скорѣй бы наконецъ вышелъ батальонный командиръ и отпустилъ бы меня спать; въ разговаривающемъ со мною я предположилъ батальоннаго адъютанта. Мнѣ было какъ-то совѣстно высказать передъ адъютантомъ мое нетерпѣніе; наконецъ я рѣшился у него спросить, скоро ли выйдетъ батальонный командиръ. „Командиръ батальона я“, отвѣчалъ мой предположенный адъютантъ и отвѣтомъ своимъ уничтожилъ воображаемаго маіора командира Красноярскаго гарнизоннаго батальона. „Скажите, пожалуйста, отчего вы, такой молоденькій, командуете гарнизономъ въ Сибири? Я себѣ совсѣмъ другое составилъ понятіе о моемъ начальникѣ и васъ потому только и принялъ за батальоннаго адъютанта; извините, пожалуйста, если, можетъ быть, я не довольно почтителенъ былъ съ вами, не принявъ васъ за командира, но вы въ этомъ виноваты сами: вы должны были иначе обращаться съ государственнымъ преступникомъ“. — „Я васъ иначе встрѣтить не могъ, потому что, хотя вы меня не знали, но я знаю васъ давно, видѣлъ васъ у моего благодѣтеля, бывшаго начальника Ив. Ал. Набокова, по милости котораго я имѣю мѣсто, давшее мнѣ возможность жениться и провести съ женою нѣсколько счастливыхъ годовъ, но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Богу угодно было меня этого счастья лишить навсегда. Вы здѣсь найдете другаго знакомаго, батальоннаго доктора Глена, который

вамъ именно обязанъ своимъ семейнымъ счастьемъ; онъ также хотѣлъ имѣть мѣсто въ Сибири, откуда родомъ его жена и, черезъ васъ получивъ это мѣсто, онъ всегда остается вамъ благодаренъ и съ большимъ нетерпѣніемъ васъ сюда ожидалъ“. — „Извините, если я васъ перебую; вы говорите о г. Гленѣ, которому не я, а братъ мой Ив. Ив. доставилъ мѣсто черезъ доктора Вилье. Онъ также не замедлитъ прибыть въ Сибирь, но не такъ, какъ я, солдатомъ, а на вѣчную каторжную работу въ какіе нибудь Нерчинскіе рудники. Позвольте теперь же отправиться куда нибудь на квартиру отдохнуть отъ дальней дороги“. „Вамъ не нужно квартиры; надѣюсь, что не откажетесь помѣститься у меня“. — „На эту ночь съ удовольствіемъ принимаю ваше любезное приглашеніе, но завтра позвольте мнѣ нанять квартиру, если не находите необходимымъ, чтобы я жилъ въ казармахъ“. — „Отчего же вамъ не жить у меня? Я одинъ, увидите какое большое помѣщеніе; пойдете, я вамъ покажу ваши комнаты, гдѣ вамъ будетъ очень покойно.“ — „За все за это благодарю васъ, но прошу позволенія не согласиться на предложеніе ваше; вы знаете, что я государственный преступникъ, что обо мнѣ, вѣроятно, будутъ срочныя донесенія и если донесутъ, что живу у батальоннаго командира, то вы за это будете отвѣчать, и отвѣтственность будетъ не малая; позвольте мнѣ не имѣть на совѣсти, что повредилъ служебной карьерѣ вашей. Я готовъ съ вами раздѣлять все свободное время наше, но жить у васъ никакъ согласиться не могу; сверхъ того я надѣюсь, что вы доставите мнѣ удовольствіе принимать васъ у себя“. Послѣ этого разговора Аѳанасьевъ отвелъ меня въ приготовленную для меня комнату и сказалъ, что завтра на совѣтѣ преданныхъ мнѣ друзей обсудить это дѣло. Поутру, когда мы пили чай, собрались вѣроятно созванные Аѳанасьевымъ М. Ф. Родичевъ, старый морякъ, родственникъ жены моей (тогда мнѣ неизвѣстной), совѣтникъ какой-то палаты, Вас. Пет. Валуа, тоже совѣтникъ, служившій въ главной квартирѣ въ Могилевѣ и меня тамъ встрѣчавшій у Павла Колошина, Алек. Аѳан. Гленъ, докторъ, женатый на Галкиной, и тесть его И. И. Галкинъ, предсѣдатель губернскаго суда. Тотчасъ Аѳанасьевъ познакомилъ меня со всѣми и тутъ же сталъ жаловаться, что не хочу у него оставаться жить. Валуа нашель это очень благоразумнымъ и, совершенно соглашаяся со мною, что я не долженъ пользоваться необыкновенною доброю командира своего, рекомендовалъ мнѣ квартиру въ двѣ чистыхъ комнаты въ домѣ Подвального, имени котораго не припомню, не далеко отъ новыхъ друзей.

Послѣ радушной бесѣды съ этими симпатичными личностями, Валуа, съ которымъ я скоро сдружился, отправился со мною на указанную квартиру и нанялъ ее для меня за 15 руб. асс. въ мѣ-

сяць со столомъ изъ двухъ блюдъ, самоваромъ и банею по Субботамъ. Фельдъегерь, который сейчасъ же отправлялся обратно, долженъ былъ освободить подаренный ему новый чемоданъ отъ моихъ вещей, и былъ онъ такая скотина, что вмѣстѣ съ чемоданомъ увезъ болѣе половины моего бѣлья. По обыкновенной безпечности своей, поручивъ ему освободить чемоданъ, я не позаботился посмотрѣть, всѣ ли мои вещи онъ изъ него вынулъ. Присканъ былъ тотчасъ слугою для меня Максимъ, когда-то сосланный своимъ бариномъ въ Сибирь. Максимъ мнѣ служилъ съ примѣрнымъ усердіемъ за пять руб. асс. въ мѣсяць. Когда выѣзжалъ я изъ Сибири, мнѣ жаль было разставаться съ нимъ.

Со дня моего пріѣзда въ Красноярскъ и во все четырехмѣсячное мое тамъ пребываніе жизнь моя походила на непрерывный праздникъ; хотя у меня квартира была со столомъ, но я никогда дома не обѣдалъ. Скоро очень познакомился я съ губернаторомъ Степановымъ Ал. Пет. и со всѣми служащими въ Красноярскѣ, у которыхъ на расхватъ проводилъ очень пріятно цѣлые дни. Вообще замѣчательно гостепріимство въ Сибири, но въ отношеніи меня оно было самое полное и самое радушное. Четырехмѣсячное мое пребываніе въ Красноярскѣ прошло какъ самый счастливый сонъ. Все время я пользовался отличнымъ здоровьемъ, веселое расположеніе духа дѣлало изъ меня всѣмъ пріятнаго гостя. Формы солдатской я бы и не пробовалъ тамъ одѣвать, если бы не пріѣздъ Лепарскаго, котораго мнѣ хотѣлось повидать, чтобы попросить его о братѣ. Ив. Ив. Лепарскій встрѣтилъ меня дружески, понялъ зачѣмъ я пришелъ къ нему въ солдатской одеждѣ, сказалъ, что онъ готовился мнѣ, полковнику, сдать командованіе полкомъ, показывалъ мнѣ письмо Николая Павловича о переводѣ меня къ нему въ полкъ для принятія впослѣдствіи отъ него полка. Лепарскій обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее для облегченія участи ему порученныхъ, что онъ конечно не принялъ бы своего назначенія, если бы не могъ содѣйствовать къ облегченію участи сосланныхъ; удивлялся, что еще братъ мой (который тогда томился въ Шлиссельбургской крѣпости) не перевезенъ въ Сибирь. Во все время пребыванія моего въ Красноярскѣ меня беспокоило неполученіе писемъ изъ Петербурга. Я полагалъ тогда, что запрещено почтѣ принимать письма на мое имя, просилъ писать ко мнѣ по адресамъ, которые посылалъ въ Петербургъ; не смотря на это, въ Сибири ни отъ кого ни одного письма не получилъ; случилось же это оттого, какъ узналъ я впослѣдствіи, что еще въ Августѣ, въ день коронаванія своего, государь оказалъ намъ великую милость: насъ, солдатъ Сибирскихъ гарнизоновъ, перевелъ солдатами на Кавказъ. Милость эта четыре мѣсяца по командѣ шла до насъ въ

Сибирь и въ Красноярскѣ получена 15 Декабря, а между тѣмъ родные, полагая меня давно на Кавказѣ, посылали письма свои въ Тифлисъ.

Въ Красноярскѣ я былъ такъ покоенъ, такъ тамъ обжился, что извѣстіе о моемъ переводѣ принялъ за новое наказаніе, хотя задолго до полученія извѣстія видѣлъ пророческій сонъ, что служу на Кавказѣ, воюю противу Персіянъ и въ солдатскомъ званіи команду 70 піонерами; тогда сонъ казался мнѣ несбыточнымъ: въ Сибирь еще не доходило извѣстіе о войнѣ съ Персіянами.

По случаю скорого моего выѣзда изъ Красноярска начались прощальные обѣды и вечера. Все общество приготовлялось провожать въ назначенный день моего выѣзда, 20 Декабря. Велѣно было меня отправить съ жандармомъ. Мнѣ въ спутники попался жандармъ, изъ Сибири не выѣзжавшій; я имъ былъ очень доволенъ, онъ вполне замѣнилъ усерднаго слугу моего Максима, которому очень хотѣлось ѣхать со мною, но какъ сосланнаго въ Сибирь, я его взять съ собою не могъ.

Грустно и тяжело было мнѣ оставлять сердечныхъ друзей, пріобрѣтенныхъ въ эпоху моей невзгоды и тѣмъ дорогихъ для меня. Съ наступленіемъ 20 числа съ утра понеслись тройки на первую станцію съ нѣкоторыми изъ друзей моихъ, взявшихъ на себя заботы о приготовленіи прощальной вечерней трапезы. Въ два часа пополудни за мною поскакали и другія тройки съ провожавшими меня, до 40 человекъ. На станцію собралось всего 20 троекъ. Дамы и мужчины, меня провожавшіе, были тѣ, съ которыми болѣе всѣхъ я сблизился въ Красноярскѣ. Въ пять часовъ мы сѣли за столъ, и тутъ же началась попойка, продолжавшаяся до перваго часа ночи. Со слезами простался я съ новыми друзьями, которые обѣщали мнѣ писать и слѣдить за мною, куда бы судьба меня ни бросила. Полный чувствъ признательности къ провожавшимъ, послѣ долгихъ прощаній, окутавшись Сибирскою дахою (оленья шуба волосомъ наружу), ввалился я въ кибитку и полетѣлъ стрѣлою по Сибирской степи, съ крайняго Востока Россіи на крайній Югъ ея. Мнѣ предстояло проѣхать болѣе 6 т. верстъ и хотѣлось поскорѣе добраться до Тифлиса, чтобы не потерять ничего изъ открывшейся Персидской кампаніи. До Екатеринбурга я ѣхалъ шесть дней, нигдѣ ни останавливаясь; только въ Каинскѣ остановился на нѣсколько часовъ проститься и расцѣловать пріятеля нашего общаго, городничаго Степанова. Поспѣшалъ я въ Екатеринбургъ, чтобы воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ К....ской и исполнить обѣщаніе мое черезъ четыре мѣсяца у нея погостить; послѣ столькихъ дней быстрой ѣзды по Сибири отдохнуть было необходимо. Случалось станцію въ 30 верстъ проѣхать въ часъ съ небольшимъ и за такую ѣзду заплатить 90 коп. асс. прогоновъ за станцію на тройку. Конку-

ренція желающихъ гнать своихъ лошадей, особенно въ Барабинской степи, такъ велика, что за нѣсколько верстъ отъ селенія васъ встрѣчаютъ верховые, перебиваютъ васъ другъ у друга, скачутъ за вами, и тотъ, за кѣмъ останется послѣдняя цѣна, направляетъ васъ къ себѣ во дворъ. Я пробовалъ, до чего можетъ дойти дешевизна ѣзды и дошелъ до 1 коп. асс. съ лошади за версту и, по такой цѣнѣ проѣхавъ болѣе тысячи верстъ, вездѣ платилъ не болѣе 2 или 3 копѣекъ за лошадь. На почтовыхъ по Сибири я не ѣхалъ, чтобы не платить казенныхъ прогоновъ по 5 коп. асс. за версту; прогоновъ, отпущенныхъ мнѣ на пару лошадей, было достаточно на тройку, еще у жандарма осталась экономія. Запряженную тройку по длинному селенію вели подъ уздцы и когда оставляли лошадей, то онѣ, не переводя духъ, мчались до самой станціи. Морозы тогда стояли въ 30 и болѣе градусовъ, но мнѣ съ моими оленьими полостями и дахою они были мало чувствительны. Питался я замороженными щами и пельменями, которые везъ съ собою въ мѣшкахъ. Переѣздъ въ Екатеринбургъ былъ самый благополучный, дорога отличная, снѣгу еще немного, ни одного ухаба и какъ птица лѣтѣлъ я навстрѣчу новой судьбѣ своей.

Въ Екатеринбургѣ прямо къ К....ской пріѣхалъ я въ десять часовъ вечера на другой день Рождества. У хозяйки, удивленной моимъ появленіемъ, нашелъ я довольно большое собраніе хорошенькихъ и молоденькихъ барышень, по большей части мнѣ уже знакомыхъ. Всѣ были заняты приготовленіемъ къ маскараду. Войдя такъ неожиданно къ К....ской, я сказалъ: *je suis homme de parole avant tout, je vous ai promis d'être chez vous dans quatre mois; me voici, et je vous demande pardon d'avoir tardé de quelques jours* *). К....ская сейчасъ взяла съ меня слово исполнить вполнѣ обѣщаніе, данное четыре мѣсяца тому назадъ, и погостить у нея нѣкоторое время. „Пока не выгоните меня, обѣщаю вамъ наслаждаться милымъ обществомъ вашимъ, гдѣ, полагаю, что праздники проведу весело“. К....ская, женщина свободного обращенія, поймавъ меня на словѣ, сказала: „Аа, вы, заглядѣвшись на нашихъ хорошенькихъ барынь, полагаете, что легко вамъ будетъ ихъ побѣдить; очень ошибаетесь: долго вамъ придется здѣсь жить, чтобы расшевелить ихъ сердца. Васъ, *mesdames*, прошу быть любезными съ дорогимъ гостемъ моимъ; отъ васъ, а не отъ меня, старухи, будетъ зависѣть срокъ его пребыванія у насъ“. Я очень хорошо зналъ, легко или трудно побѣждать Сибирскихъ барынь и просьбу К....ской, къ нимъ обращенную, нашелъ совершенно лишнею. Въ тотъ же вечеръ

*) Я вѣренъ въ словѣ, я вамъ обѣщался быть у васъ черезъ четыре мѣсяца, Вотъ я здѣсь и прошу извиненія, что опоздалъ нѣсколько дней.

былъ со всѣми какъ давнишній пріятель. Начались споры о томъ, кто завтра накормить меня обѣдомъ, кто сдѣлаетъ для меня у себя вечеръ. К...ская рѣшила споръ тѣмъ, что не отпустить меня отъ себя изъ дому, что я ея плѣнникъ и просить всѣхъ присутствующихъ все время моего пребыванія проводить время со мною у нея. „Это будетъ нашъ общій праздникъ, на которомъ мы постараемся угостить нашего плѣнника чѣмъ кто можетъ“. Тутъ были и такіе намеки, о которыхъ изъ скромности умалчиваю.

Десять дней въ Екатеринбургѣ у К...ской были одними изъ самыхъ пріятныхъ дней моей молодости. Хозяйка изъ себя выходила, чтобы сдѣлать пребываніе мое у нея источникомъ всѣхъ возможныхъ удовольствій, разнообразила ежедневныя празднества, собирала у себя на маскарадъ, танцы, концерты, обѣды и ужины, приглашала для меня и болѣе пріятныхъ изъ мужскаго общества, сенатора Нечаева, его секретаря Завьялова, бывшихъ въ Екатеринбургѣ на ревизіи. Съ Нечаевымъ ѣздилъ я на Верхъисетскіе заводы Яковлева, прикащикъ котораго, простой крестьянинъ, издерживалъ до 100 т. руб. асс. въ годъ на приемы гостей; у него былъ совершенный трактиръ, пріѣзжало всякій день множество гостей, которые въ положенный часъ обѣдали, играли въ карты, на билиардѣ, пили чай и послѣ ужина поздно вечеромъ возвращались въ городъ. Управляющій никогда не зналъ, сколько у него будетъ гостей и всегда готовъ былъ на ихъ принятіе.

Слѣдовало положить конецъ моимъ увеселеніямъ, и я на другой день Новаго 1827 г. объявилъ К...ской, что завтра намѣренъ отправиться въ дальнѣйшій путь. „Какъ, отчего же такъ скоро, развѣ я васъ гоню, или вамъ у меня соскучилось?“ — „Ни то, ни другое; но надо же честь знать, а то пожалуй комендантъ меня съ казаками выпроводитъ отсюда, несмотря на все желаніе ваше и милыхъ вашихъ дамъ меня здѣсь удержать; я съ радостью бы устроилъ свой бивакъ у васъ, вмѣсто жаркихъ Персидскихъ степей; но туда зоветъ меня обязанность и впереди перспектива служебная. Екатеринбургъ и вся его обстановка всегда останутся въ памяти, какъ оазисъ на жизненномъ пути моемъ. Не думаю когда нибудь къ вамъ возвратиться, но никогда не забуду вашего милаго гостепріимства“. „Не могу и не стану васъ задерживать, но и за то, что получила отъ васъ, буду всегда вамъ признательна, увѣренная въ томъ, что вы полюбили меня, какъ и сына моего, котораго чувства дружбы къ вамъ буду въ письмахъ моихъ къ нему поддерживать. Если уже вы рѣшились ѣхать, то я имѣю къ вамъ просьбу довести до Перми прикащика моего, если только онъ васъ не стѣснитъ. Я принимаю на себя лишній расходъ вашъ“. И тогда К...ская предложила мнѣ 200 руб. на излишніе мои расходы. На это я отвѣчалъ, что

мнѣ ничего лишняго не будетъ стоить исполнить ея желаніе, но будетъ обидно, если она думаетъ заплатить деньги за одолженіе, которое сдѣлать ей доставляетъ мнѣ удовольствіе. Она и не подумала на этотъ вызовъ дѣлать возраженіе и прикащику своему велѣла готовиться въ дорогу.

Съ вечера уже начались мои проводы. Всѣ знакомые мои перваго дня пріѣзда собрались у К....ской, стали золото хоронить, гадать на воскѣ, свинцѣ, угадывать какую-то блестящую для меня будущность, радовались всему хорошему, что выпадало на долю; пѣсни, которыя при этомъ пѣли, ко мнѣ были адресованы. Я былъ до того растроганъ всѣми этими манифестаціями, что не могъ долго скрыть слезъ признательности къ ихъ теплomu чувству, согрѣвшему меня на рубежѣ Азіи и Европы. Поздно ночью мы разошлись. Намѣреваясь выѣхать когда мои будутъ спать, я со всѣми простился и рано поутру готовился сѣсть въ кибитку, когда хозяйка дома прислала просить меня въ гостиную чай пить. Тамъ нашелъ я всѣхъ моихъ знакомыхъ въ дорожномъ одѣяніи, какъ и я готовыхъ въ дорогу. „Вчера мы пожелали вамъ счастливаго пути, а сегодня хотимъ вамъ того же пожелать на первой станціи, куда всѣ ваши знакомые хотятъ васъ проводить“. Сказавъ это, К....ская подала сигналъ къ отъѣзду и сама поѣхала впередъ съ однимъ изъ распорядителей моихъ проводовъ. Пріѣхавъ на станцію послѣ всѣхъ, я нашелъ тамъ до 50 человекъ гостей и роскошный завтракъ, меня ожидавшій. Шумно и весело прошло время до поздняго вечера, много выпито вина и сказано пропасть милыхъ, душевныхъ прощальныхъ привѣтствій. Каждая изъ присутствовавшихъ дамъ просила принять на память вещицу Екатеринбургскаго издѣлія изъ яшмы, сердолика и топаза. Долго вещи хранились у меня, но въ частыхъ впослѣдствіи переѣздахъ какъ-то всѣ до единой исчезли; не исчезло однако воспоминаніе объ Екатеринбургскихъ друзьяхъ, и теперь память дорогà о нихъ.

Въ Пермь пріѣхалъ я довольно поздно вечеромъ и, остановившись въ домѣ пріѣхавшаго со мною прикащика, послалъ къ Дамичу (городничему) увѣдомить о моемъ прибытіи. Дамичъ немедленно ко мнѣ пріѣхалъ и увезъ къ себѣ на вечеръ. У него за бостономъ я какъ-то между разговорами сказалъ, что далъ спутнику своему всѣ свои деньги (2 т. руб. асс), которые долженъ отъ него получить въ Казани по пріѣздѣ туда. Еще не кончили партіи, какъ отлучившійся изъ дому Дамичъ приноситъ и кладетъ на столъ мои 2 т. р. и говоритъ: какъ счастливо, что зашла рѣчь о деньгахъ, что если бы я спутника своего довезъ до Казани, то не нашелъ бы ни спутника, ни денегъ; что прикащикъ этотъ большой плутъ, и Дамичъ съ большимъ трудомъ по всему

городу собиралъ уже розданныя имъ деньги мои. Дамичъ просилъ меня не возвращаться къ нему въ домъ и тотчасъ послалъ за вещами моими. Слѣдующій день я прогостилъ у Дамича и вечеромъ отправился въ дальнѣйшій путь, снабженный всѣмъ отъ добрѣйшаго городничаго. Не останавливаясь, ѣхалъ до Казани. Въ Казани жили Вишняковы (cousins моихъ cousins), одна изъ нихъ была за Вл. Ѳед. Желтухинымъ. Въ домѣ ихъ я былъ принятъ истинно по родственному и пробылъ съ ними три дня, съ ними маскированный ѣздилъ на маскарадъ въ Дворянское собраніе, и они очень потѣшались всѣми догадками своихъ знакомыхъ насчетъ ихъ кавалера, ихъ сопровождавшаго.

Изъ Казани до Саратова я опять ѣхалъ нигдѣ не останавливаясь. Жандармъ мой очень меня забавлялъ: его удивляли въ Россіи курныя избы, лапти, а замѣчаемая имъ бѣдность составляла предметъ его сравненій съ благословеннымъ краемъ его родины, Сибири. Особенно удивляли его лапти, которые возбуждали его веселый смѣхъ. Въ Саратовѣ нашелъ я заболѣвшаго въ дорогѣ Петра Коновницына; онъ упросилъ подождать нѣсколько его выздоровленія, чтобы вмѣстѣ продолжать путь до Тифлиса. Изъ состраданія къ нему я согласился, и черезъ три дня мы поѣхали вмѣстѣ. Разительна была перемѣна климата, испытанная нами въ этотъ переѣздъ. Оставивъ Саратовъ при 20 гр. мороза, мы черезъ нѣсколько дней были въ Тифлисѣ, гдѣ отъ жары не знали, гдѣ укрыться. Ёхали изъ Екатеринодара съ конвоемъ черезъ Владикавказъ и Кавказскія горы, невиданное величіе которыхъ было поразительно.

Въ Тифлисѣ давно ожидалъ меня В. Д. Вальховскій. Мы у него остановились, и онъ насъ повезъ на представленіе къ Паскевичу. Тогда я въ первый разъ послѣ Сибирскаго случая нарядился въ шинель, передѣланную изъ Преображенской въ гарнизонную. Паскевичъ принялъ насъ очень холодно, окружающимъ своимъ сказалъ, указавъ на меня: „вотъ онъ совсѣмъ не виноватъ“; обращая свою рѣчь ко мнѣ, прибавилъ: „вѣдь ты знаешь, что я судилъ тебя“. — „Знаю, в. п., и всегда буду помнить привѣтствіе ваше; виноватъ я или нѣтъ, но теперь передъ вами солдатъ, который проситъ у васъ случая къ отличію, чтобы скорѣе заслужить государево прощеніе и забвеніе прошедшаго“. — „Я полагаю, что ты будешь полезенъ въ саперномъ батальонѣ“. — „В. п. лучше меня знаете, куда меня назначить, я совершенно полагаюсь на милость вашу“ (сказалъ это, хотя полагалъ тогда, что саперы не будутъ имѣть случаевъ къ отличію). Про Коновницына Паскевичъ сказалъ: „А этотъ шалунъ“. Коновницынъ просилъ о назначеніи его въ 51 егерскій полкъ. „Развѣ ты знакомъ съ Авенаріусомъ? (полковымъ командиромъ). „Нѣтъ“, отвѣчалъ Коновницынъ. „Отчего же ты желаешь туда поступить?“ „Тамъ товарищъ мой Фокъ, съ которымъ желалъ бы служить вмѣстѣ“. Я, за-

мѣтивъ, что Паскевичъ почему-то не хочетъ исполнить желаніе Коновницына, просилъ о назначеніи Коновницына вмѣстѣ со мною въ саперный батальонъ, что онъ можетъ быть полезенъ по инженерной части, такъ какъ служилъ въ Генеральномъ Штабѣ. „Я съ тобою согласенъ, онъ самъ не знаетъ, чего просить; отведите, Вальховскій, обоихъ къ Алек. Петровичу и скажите, что я желаю ихъ назначенія въ 8-й піонерный батальонъ“ (переименованный впоследствии въ Кавказскій саперный). Отпуская насъ, Коновницыну сказалъ: „Ты ко мнѣ зайдешь получить письма и деньги, присланныя твоею матерью“.

Представленіе Ермолову имѣло совершенно другой характеръ. Хотя Ермоловъ меня вовсе не зналъ и ничего обо мнѣ не слышалъ, онъ не заставилъ насъ, какъ Паскевичъ, дожидаться и тотчасъ позвалъ въ кабинетъ, гдѣ онъ съ Раевскимъ и Суворовымъ сидѣлъ безъ жилета и галстука въ одной рубашкѣ. Первый разъ встрѣчаясь съ Суворовымъ, я пораженъ былъ его сходствомъ съ Николаемъ Павловичемъ. Раевскій, съ которымъ я познакомился въ 1821 году въ Могилевѣ, бросилъ меня обнимать. Суворовъ просилъ его познакомить съ нами, и знакомство наше, тутъ начатое, обратилось въ душевную дружбу во все время пребыванія Суворова на Кавказѣ. Тогда и Ермоловъ, вставая, сказалъ: „Позвольте же и мнѣ васъ обнять, поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ Сибири, что явно доказываетъ, что государь, возвращая васъ къ полезной дѣятельности, даетъ вамъ случай къ отличію; наше дѣло вамъ въ этомъ помогать“. Вальховскій передалъ ему порученіе Паскевича, онъ приказалъ зачислить насъ въ 8 піонерный батальонъ и поручилъ Вальховскому познакомить насъ съ батальоннымъ командиромъ, полковникомъ Евреиновымъ, который явно противъ Ермолова враждовалъ. Послѣ того просилъ насъ сѣсть, предложилъ чаю, спрашивалъ о пребываніи въ Сибири, обнадеживалъ, что и Кавказъ оставить въ насъ хорошее воспоминаніе. Продержавъ насъ съ часъ времени, онъ отпустилъ насъ съ благословеніемъ на новое впереди поприще. Часъ этотъ, проведенный у Ермолова, поднялъ меня въ собственныхъ глазахъ и, выходя отъ него, я уже съ нѣкоторою гордостью смотрѣлъ на свою солдатскую шинель.

Недалеко отъ Ермолова жилъ Евреиновъ. Вальховскій былъ съ нимъ знакомъ и по дорогѣ къ нему описывалъ мнѣ его. Передавалъ, какъ онъ обратился къ новому свѣтящему солнцу и отвернулся отъ затмевающагося, рассказывая всякія ужасы про него; какъ прекратилъ всѣ сношенія съ приверженцами Ермолова, у котораго прежде заискивалъ самымъ подлымъ образомъ и подлости свои перенесъ на штабъ Паскевича. Понятно, что такого рода человекъ не могъ во мнѣ внушить къ себѣ сочувствія, и я шелъ къ нему съ твердымъ намѣреніемъ

съ нимъ не сближаться. Первое лицо, которое у него встрѣтилъ, былъ генералъ Богдановичъ, о которомъ совершенно забылъ, что могу его встрѣтить на Кавказѣ. Богдановичъ производствомъ своимъ въ офицеры былъ обязанъ мнѣ. Въ 1821 году, во время стоянки нашей въ Минской губерніи, онъ и братъ его Кароль опредѣлились къ намъ юнкерами. За некрасивую наружность великій князь ихъ не взлюбилъ. Нѣсколько разъ въ Петербургѣ онъ говорилъ мнѣ, что такихъ чучель надо постараться выжить изъ эскадрона; онъ послѣ двухлѣтней службы не хотѣлъ представлять ихъ въ офицеры. Уже во время командованія моего эскадрономъ я поднесъ великому князю виды Таицъ, снятые Генрихомъ Богдановичемъ и на мой счетъ литографированные; тогда великій князь согласился ихъ произвести, но только въ армейскій к.-п. эскадронъ, куда и поступилъ старшій, Кароль, а младшій, Генрихъ, пожелалъ на Кавказъ и произведенъ въ 8 піонерный батальонъ. Этого Богдановичъ былъ мнѣ самый преданный слуга въ Тифлисѣ. Онъ жилъ въ домѣ Евреинова, былъ казначеемъ батальона. Евреиновъ принялъ насъ очень радушно, настоятельно желалъ, чтобы мы жили у него вмѣстѣ съ Богдановичемъ, желалъ сношенія наши съ нимъ поставить на товарищескую ногу. Я согласился исполнить желаніе Евреинова, чтобы быть вмѣстѣ съ Богдановичемъ, который окружилъ меня своими попеченіями и непрерывными послугами. Богдановичъ никакъ не хотѣлъ признать во мнѣ солдата и видѣлъ во мнѣ любимаго своего начальника, которому считалъ священной для себя обязанностью со всѣмъ усердіемъ служить и не допускать до какихъ нибудь лишеній.

Я прожилъ у Евреинова до выступленія съ авангардомъ въ походъ. Жизнь эта была мнѣ тѣмъ тяжела, что не располагала къ хозяину, столь любезному ко мнѣ. Личность его была самая отвратительная, фигура маленькая и всегда грязная, всѣхъ ругающая и за то всѣмъ противная. Я его не видалъ иначе, какъ въ засаленомъ архалукѣ, съ коротенькою въ зубахъ трубкою. Отвратительно было для меня, когда я только что просыпался и оставлялъ постель, онъ приходилъ вмѣстѣ съ нами пить чай и разваливался на неприбранную постель мою, въ которую напускалъ насѣкомыхъ, изобилующихъ въ его грязномъ архалукѣ; но отъ начальника долженъ я былъ терпѣть, спасибо и за то, что не больше неприятнаго.

